

АЛЕКСАНДР БАСОВ

Союз верных. Остгренц

ИЗ ЦИКЛА «ПОТУСКНЕВШАЯ
ЖЕМЧУЖИНА»

Александр Басов

**Союз верных. Остгренц. Из цикла
«Потускневшая жемчужина»**

«Издательские решения»

Басов А.

Союз верных. Остгренц. Из цикла «Потускневшая жемчужина» /
А. Басов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749021-8

Любите ли вы читать мемуары великих людей? Не книги, написанные их биографами, где всё хорошее преувеличено, а плохое старательно отретушировано. Речь идёт о мемуарах, которые пишутся великими людьми самостоятельно, но делают они это, преследуя разные цели. Иногда просто для того, чтобы потомки знали правду, в некоторых случаях — для оправдания своих не самых благовидных поступков... Перед вами собственноручно написанная история жизни одного из самых влиятельных людей Союза верных.

ISBN 978-5-44-749021-8

© Басов А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Союз верных. Остгренц
Из цикла «Потускневшая жемчужина»
Александр Юрьевич Басов

© Александр Юрьевич Басов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Биение крыльев маленькой ночной бабочки о стекло прогнало и без того неглубокий сон. Человек приподнялся на подушках и взглянул на прикроватный столик, где стояла зажжённая свеча. Она не догорела и до половины, а значит, до рассвета оставалась ещё уйма времени. Человек вздохнул и принялся рассматривать остов над кроватью, на который должен был крепиться балдахин. Остов напоминал ему стропила крыши, на которые ещё не успели уложить черепицу. Балдахины человек не любил. Он приказал его снять в тот самый день, когда впервые занял апартаменты первосвященника.

Слугам это показалось обычной прихотью, но такое желание имело под собой вполне реальную почву – человек не переносил замкнутых пространств. Он отдавал себе отчёт в том, что это изъяз, и знал, как называется слово, определяющее подобную разновидность людских страхов. Жить это не мешало, разве что, приходилось иногда вести переговоры в тесных помещениях. Но из этого человек, со временем, научился извлекать выгоду. Находясь там, где стены, казалось бы, давят со всех сторон, вызывая противную нервную дрожь, он начинал мыслить быстро, безошибочно и рационально, всегда добиваясь нужного результата.

Человек протянул руку к прикроватному столику, где по ночам всегда стоял кубок с водой. Напившись, он не глядя, вернул кубок на место и сшиб со столика одну из многочисленных склянок с лекарством. Один раз он неосторожно признался в мучившей его бессоннице и теперь являлся обладателем целой коллекции успокаивающих снадобий для улучшения сна.

«Сон слишком расточительная вещь», – подумал человек, поднимаясь с постели. Он поднял упавшую склянку, перенёс свечу на конторку и достал оттуда письменные принадлежности. Открыв заранее припасённую толстую книгу для записей с чистыми листами, человек обмакнул перо в чернила и старательно вывел на первой странице:

Я, милостью Богов, архиепископ Остгрентцкий Берхард, глава Церкви Двуетного и опора Союза Верных, пишу эти строки для своего преемника, с назначением которого я определюсь в ближайшее время. Непросто подобрать подходящего кандидата, способного нести тяжёлый груз ответственности не только перед людьми, но и перед Великими Богами. Вокруг меня много достойных людей, и каждый из них мог бы претендовать на пост первосвященника. Все они по-своему хороши, но глава Церкви Двуетного должен обладать разносторонними талантами, которые редко встречаются у одного человека

Есть несколько причин, побудивших меня перенести на бумагу историю своей жизни, финал которой, благодаря милосердным Богам ещё не наступил. О людях, оставивших заметный след в истории, зачастую, судят по воспоминаниям современников, не способных в полной мере оценить их деяния. Я хочу, чтобы тому, кто придёт мне на смену, были понятны мотивы моих поступков, какими бы странными они ни казались на первый взгляд. Даже если всего несколько человек буду знать правду, её не сможет захлестнуть мутный поток лжи, впитавший в себя слова врагов, завистников, а то и просто недалёких людей, бездумно разносящих сплетни.

Я постараюсь быть честным, как на исповеди и расскажу всё без утайки, хотя, в моей жизни случались поступки, за которые потом бывало стыдно. Эти грехи мною искуплены давно и с лихвой, поэтому говорить о них я могу с чистой совестью. Надеюсь, что мой преемник, кем бы он ни был, распорядится полученным знанием во благо.

Читая мои воспоминания, ты – мой преемник – пройдёшь вместе со мной путь взросления и осознания своего места в жизни. Ты поймёшь, через что мне пришлось пройти, прежде чем моё сердце открылось для восприятия Божественной Мудрости.

Последнее время я стал замечать, что память, на которую я никогда ранее не жаловался, начала давать сбои. Возможно, это первый признак того, что необходимо вновь пройти цикл регенерации. Раньше такого никогда не случалось, но я не исключаю возможности, что неизбежные побочные эффекты могут накапливаться. Трудно сказать, когда могут начаться необратимые изменения, но то, что они рано или поздно возникнут, у меня сомнений нет. По этим причинам, я опасаясь проходить полный цикл регенерации...

Архиепископ отложил перо в сторону, несколько раз перечитал написанное, потом вырвал из книги этот лист. Он наскоро переписал весь текст заново, кроме последнего абзаца. Поставив точку после слова «Мудрости», Берхард начал писать дальше с новой строки:

Скажу сразу, что возраст мой не соответствует официальным данным. Я старше, больше, чем вдвое и сохранил здоровье вместе с бодростью духа в результате применения медицинских технологий Древних. Когда ты, мой преемник, достигнешь преклонного возраста, тоже сможешь воспользоваться регенерационной камерой для поддержания здоровья. Про это устройство известно далеко не всем нашим братьям. А история обретения регенерационной камеры совсем не отражена в летописях Ордена Зрячих. Это сделано намеренно. Я постараюсь излагать события в хронологическом порядке и попробую обстоятельно осветить и этот вопрос. Я несколько раз проходил курс омолаживающих процедур, и благодаря этому чувствую себя относительно здоровым даже в столь преклонном возрасте. Почти никто не знает, что предыдущие три архиепископа, занимавших пост главы Церкви Двуденного до меня, это не три разных человека. В историю они вошли под именами: Адалстан, Максимилиан и Стефан. Эти священники были не похожи друг на друга, но руководили Церковью без разногласий с политикой предшественника. И это не удивительно, потому что каждый из этих людей являлся, всего лишь фрагментом одной очень длинной, по меркам обычного человека, жизни. Регенерационная камера позволяет корректировать внешность человека и это дало возможность менять свой облик. Я четвёртый раз подряд проживаю жизнь архиепископа Остгреницкого, и на этот раз выступаю под своим настоящим именем. Когда-то давно я принял на себя обязанность заботиться о судьбе нашего мира и до сих пор несу это тяжкое бремя. Груз ответственности не сломил меня, а стал точкой опоры, позволившей осуществить свои самые смелые планы. Безжалостное время не щадит никого, и я начинаю ощущать в себе признаки старости, которые уже не исправить омолаживающими процедурами. Взглянув на себя со стороны, я вынужден признать, что постепенно утратил чувство азарта, и очередной успех больше не заставляет сердце биться чаще. Это плохой признак. Я уже не тот, и чувствую, что пора уступать дорогу молодым. Мне нужен преемник, который не побоится трудностей и сможет продолжить мои начинания

Чтобы узнать человека поближе, нужно иметь представление о его жизни с самого раннего детства. Рассказ хочу начать с одного из самых первых своих воспоминаний, запечатлевшегося в моём сознании. Воспоминания очень яркого, навсегда врезавшегося в память совсем недавно научившегося самостоятельно ходить ребёнка. Тогда я не был в состоянии понять сути происходивших событий и смысла слов, произносимых разными людьми, в том числе моими родителями.

Впоследствии, опираясь на свой жизненный опыт, рассказы очевидцев и летописи, я сумел мысленно реконструировать те события. Не сразу, конечно. Для этого понадобились годы напряжённой работы мысли. Оговорюсь, что в своём повествовании буду применять такой термин, подразумевающий полный оборот нашей планеты вокруг светила, вместо примитивного выражения «длинный сезон». Многим из новопосвящённых братьев Ордена Зрячих сложно привыкнуть к новым словам и понятиям, но их трудно в этом винить. Из повсеместно используемой календарной системы нами употребляется только понятие «декада».

С летоисчислением путаницы не было. Оставшиеся после Древних компьютеры работоспособны до сих пор и бережно хранят для нас дату высадки первых людей на эту планету. Древние оставили адаптированный для этой планеты календарь, деливший год на десять равных отрезков, а не на двенадцать, как это было в ходу на нашей общей прародине Земле. Видимо, для упрощения, названий месяцам давать не стали, ограничившись простыми порядковыми номерами.

Так вот, событие, с которого мне хочется начать свой рассказ, произошло сто тридцать шесть лет тому назад в третий день второй декады восьмого месяца. Армия одного из воинственных баронов итурмом овладела Энгельбруком, бывшим в те времена столицей не только для нынешнего Западного герцогства, но и остальных земель тоже. Сопротивление защитников было сломлено, и сквозь разрушенные ворота в город хлынула орда наёмников, предвкушавшая грабежи и убийства. Город почти одновременно подожгли с разных концов, и жители стали спешно покидать свои дома, которые больше не могли служить им убежищем. Толпы людей метались по улицам, в разных направлениях, пытаясь разминуться с опьяневшими от крови и чувства безнаказанности победителями.

Я помню всю эту суету, кричащих людей, разрывающихся между желанием остаться в живых и сохранить имущество. Меня, как самое ценное, нёс на руках отец. Он пробирался через толпу, выставляя вперёд то одно плечо, то другое, прикрывая меня от обезумевших людей, способных растоптать любого, кто попадётся на их пути. Следом шла мама и ещё несколько человек из отряда Хранителей Знаний. У тебя, мой преемник, может возникнуть законный вопрос: что это за Хранители и откуда они взялись? Чуть позже я обстоятельно отвечу на этот вопрос, тем более что он напрямую связан с моим происхождением.

Когда Хранители поняли, что просто так из города не выбраться, было принято решение уходить через подземные коммуникации, которыми всегда изобилдовал Энгельбрук. Попасть туда можно было из нескольких мест, и ближайшим из них оказалось здание Ратуши, к тому моменту уже пустое. Самые наивные из горожан искали убежища в церквях, полагая, что захватчики испугаются гнева Богов и не рискнут бесчинствовать в храмах. Находившийся неподалёку от Ратуши собор был полон народа, но люди всё равно продолжали прибывать, даже когда на площадь вышли завоеватели. Несколько стрел, выпущенных в спины бежавших в сторону собора людей, дали понять, что пощады не будет никому. Мужчины, из числа Хранителей, заперли входные двери Ратуши и принялись искать вход в катакомбы, а женщин и немногочисленных детей отправили на второй этаж. Мой отец передал меня маме и занялся спасением уцелевшего оборудования, стаскивая в общую кучу всё, что смогли захватить с собой Хранители Знаний. Когда со стороны площади раздались крики людей, находившиеся в Ратуше, прильнули к большим витражным окнам. Мне не хватало роста, чтобы дотянуться до нижнего края рамы, и я не мог видеть того, что творилось снаружи.

– Даниель! – Позвала отца мама. – Нужно что-то делать. Они убьют их всех...

Подойдя к окну, отец покачал головой и произнёс:

– Мы не в состоянии защитить даже своих, Трис, не говоря уж об этих людях. – И добавил, обращаясь к остальным: – Отойдите от окон, вас могут заметить!

Совет запоздал. Захватчики разделились, и часть из них направилась к Ратуше.

– Что там с задвижкой? – Крикнул отец, обращаясь к людям, пытавшимся открыть проход в подземелье.

– Подъёмный механизм повреждён! – Ответил кто-то из Хранителей. – На открытие уйдёт много времени. Взрывать мы не рискуем. Трудно сказать, выдержат ли тоннели.

– Даниель, их нужно остановить. – Сказала мама. – Если они дойдут до дверей...

Отец на мгновение закрыл глаза, потёр виски пальцами и принялся что-то искать среди ящиков с оборудованием.

– У нас есть квантовый генератор, – сообщил он, вынимая из упаковки непонятную вещь. – Можно попробовать с помощью него.

– Он только для развлечения и годится, – с отчаянием всплеснула руками мама. – Ты врагам лазерное шоу показывать собрался?

– Нет. – Буркнул отец. – Долой регулятор... для фокусировки используем вот это... Не стой без дела, Трис! Это наш единственный шанс!

– Хорошо... Что я должна делать?

– Питание, Трис, прежде всего питание! Всё, что сможешь подключить в общую сеть.

– Мы же почти ничего не брали с собой...

– Знаю! – Повысил голос отец. – Куда девался твой энтузиазм, Трис? У нас мало времени!

Мама принялась рыться в коробках и стала доставать оттуда предметы разного размера и цвета, раскладывая их перед собой на полу.

– Всё, что есть, – растерянно сказала она. – Не больше, чем на пять минут работы...

– Я постараюсь выжать из этого максимум, – пообещал отец и, выбив кусок витража, высунул наружу какую-то замысловатого вида трубу.

– Даниэль... Пообещай, что не отдашь им меня живой...

– Прекрати, Трис! Следи за индикацией. Тебе придётся вручную корректировать параметры, слишком уж разношёрстным вышел источник питания. Готовься! На счёт три!

Отец подсел под трубу, вскинул её на плечо и стал напряжённо всматриваться через дыру в стекле

– Один! Два! Три! – Скомандовал он, и в следующее мгновение отчаянно крикнул: – Дырявая голова! Я забыл снять рассеиватель! Картинка получилась красивая, но вряд ли это их впечатлит настолько, чтобы прекратить грабежи. Трис, сообщи мне, как только можно будет повторить!

– Можно! – Крикнула мама, спустя некоторое время, и в тот же миг отец радостно засмеялся.

– Отлично! Вон тому парню без шлема теперь понадобятся новые глаза... Враги остановились! Они, наверное, решили, что их слепит свет заходящего солнца, отразившийся от витражей... Что там с задвижкой?

– Мы почти закончили! Нужно ещё немного времени! – Можно, Даниэль!

– Проклятье! – Выругался отец. – Второй импульс оказался слабее первого. Сюда направляется какой-то смельчак на лошади. Трис приготовься! Один... два... три! О-о-о! Я промахнулся! Нужно повторить! Он близко!

– Если сейчас повторить, потом большие уже... – Делай, как я сказал, Трис! Другого шанса может не быть! Один! Два! Три!

– Вот и всё, – вздохнула мама, – элементы питания выжаты досуха. Не заискрит, даже если закоротить. Что там, Даниэль? Не молчи! Они идут сюда?

– Нет! Я случайно попал по лошади. Она сбросила седока и теперь беспорядочно носится по площади. Как минимум трёх человек уже сишла! Хоть какая-то передышка.

Отец вынул из окна трубу, опустил на пол рядом с мамой и сдвинул в сторону прядь волос на её лбу. Он хотел что-то сказать, но снизу уже кричали:

– Мы открыли задвижку! Срочная эвакуация! Брать с собой только самое необходимое!

Можно только догадываться, какие чувства переполняли людей, только что сумевших избежать верной гибели. Я тогда не мог осознать опасности, нависшей над нами. Происходящее казалось какой-то забавной игрой, участники бегают туда-сюда, перекладывают из одной кучи в другую разные забавные вещишки и громко разговаривают между собой. А вот тоннель мне не понравился. Помню, что я заплакал, попав в тёмную сырую дыру.

Потерь среди Хранителей не было. Дождавшись ночи, группа смогла незамеченной покинуть Энгельбрук.

По официальной версии, я происхожу из семьи, в традициях которой было отдавать своего старшего сына в монастырь, чтобы он посвятил свою судьбу служению Богам. На самом же деле, никто из моих родных никогда не имел отношения к Церкви, более того, никто из них не был верующим. Хранители Знаний, к числу которых принадлежали мои родители, были потомками Древних людей, заселивших нашу планету, почти пять тысяч лет назад.

Мы до сих пор ничего не знаем о том, что же с ними случилось, и почему высокотехнологичная цивилизация сменилась отсталым обществом, прозябающим в невежестве. Древние исчезли из нашего мира навсегда, оставив после себя небольшую группу людей, именовавших себя Хранителями знаний. Вернее сказать, таких групп было несколько, но к моменту моего появления на свет, осталась только одна. До меня доходили непроверенные слухи, что изначально такие группы назывались «Наблюдателями», но подтверждений этим сведениям найти так и не удалось. Мне почти ничего неизвестно о далёких предках моей семьи, знаю только имя женичины, прямым потомком которой я являюсь. Её звали Жаклин.

Похоже, смысл деятельности Хранителей знаний со временем был утрачен, потому что я никогда не мог получить внятный ответ на вопрос: зачем это было нужно? Тысячи лет они жили среди прочих людей, не выдавая своей тайны. Из поколения в поколение передавались знания и уцелевшие технологии, но никогда ими не делились с другими людьми. Впрочем, кого могла заинтересовать математика, физика, или тайны строения вещества? Крестьян, духовенство, или воинствующую знать?

Хранители и сами почти не пользовались наследием Древних, ну, если не считать мастерского подделывания монет, ведь, жить на что-то было нужно. Экономике общества, постоянно испытывавшего недостаток в наличных деньгах, это подорвать не могло, поэтому угрызений совести никто не испытывал. В остальном же, все устройства и механизмы, которые хранились у Хранителей, лежали мёртвым грузом и были впоследствии утрачены при спешной эвакуации из Энгельбрука. Всё, чем сейчас обладает Орден Зрячих, собрано со всей страны, буквально, по крупицам.

Хранители понимали, что в измученной войной стране невозможно найти пристанище для двух десятков мужчин, женичин и нескольких детей. Было принято решение уходить в горы и, поселившись в пещерах, дожидаться окончания междоусобиц. Несмотря на то, что в горном хребте Объятия Ангела пустот не меньше, чем в куске сыра, доступ в эти пещеры не так прост, как может показаться. Судя по всему, до нас там кто-то жил, но покинул это место, оставив после себя кострища, иссушенные временем человеческие останки и несколько гнивших козых шкур. Разведав дорогу в пещеры, мы стали обитателями гор.

Сразу скажу, что к той разношерстной банде, которую сейчас именуют «горцами», Хранители никакого отношения не имеют и никогда не имели. Когда эти бродяги впервые появились в наших горах, мы попробовали мирно с ними договориться, но они действовали по принципу «всё или ничего». Пытаясь убежать от войны, Хранители неожиданно столкнулись с ней лицом к лицу. Об этом я обязательно расскажу, а пока хочу поведать о своей жизни в пещерах.

Не знаю, кому из наших пришла в голову мысль поселиться в горах, основав там небольшую колонию первопоселенцев. Поначалу эта идея нашла много сторонников, жаждавших найти тихий уголок подальше от войны и сопутствующих ей невзгод. Никто не горел желанием навсегда остаться в холодных мрачных пещерах, отгородившись от внешнего мира высокой горной цепью. Переселение считалось временной мерой, и Хранители не торопились обжи-

вать каменные норы, в которые их загнали обстоятельства. Но время шло, а междоусобные войны продолжались, превращая деревни в пепелища, а города в руины.

Непривычные к суровому быту Хранители очень скоро пришли к выводу, что для их комфортного существования требуется увеличить количество жителей колонии. Проще говоря, завести прислугу, которая будет заботиться о них, обеспечивая всем необходимым. По просторам разорённой страны скитались толпы беженцев, готовых работать просто за возможность иметь крышу над головой в стороне от боевых действий. Так среди Хранителей появились совершенно посторонние люди, по большей части, бывшие когда-то жителями городов. Приглашали, в основном семейных, с детьми. Считалось, что такие люди большие заботятся о безопасности и должным образом оценят великодушные хозяев, позволивших им остаться.

Небольшой мирок, где все знали друг друга, внезапно увеличился раза в три. С приходом беженцев жизнь обитателей пещер стала налаживаться. Самую тяжёлую работу по благоустройству пещер стали выполнять крепкие мужчины, для которых подобный труд в диковинку не был. Они вырубали в камне ступени, ровняли пол в пещерах, засыпали непригодные для обитания каверны. Их жёны занимались стиркой, готовкой и присматривали за детьми, как за отпрысками Хранителей, так и за своими собственными. А их было немало.

По пещерам стайками носились разновозрастные сорванцы, и не было уголка, куда бы ни совали они свои любопытные носы. Воспитанные совершенно по-другому дети Хранителей оказались среди очень активных сверстников, большие приспособленных к суровой жизни в условиях гор. Детишки беженцев были физически сильнее, хитрее и обладали другими полезными навыками, поэтому быстро стали верховодить. С одной стороны, это было неплохо, привыкшие к узкому кругу общения дети были вовлечены в совместные игры со сверстниками. С другой стороны, они сразу почувствовали свою ущербность, во всём уступая детям беженцев.

Ты, мой преемник, наверное, уже догадался, что мои родители были не последними людьми среди Хранителей. И мама, и отец были заняты сохранением той малой части знаний, что осталась от предыдущих поколений. Но даже эта малая часть отнимала у них столько времени, что его совсем не хватало на то, чтобы уделить внимание единственному сыну. Конечно же, я был всегда накормлен, одет, обут, а детьми это всегда воспринимается, как должное. Может показаться, что я был лишён родительской любви, но это было бы прегрешением против истины. Наверное, всё дело в том, любви этой никогда не бывало много. Безмерно любящий своих родителей ребёнок вправе ожидать от них того же, и настоящим потрясением может оказаться открытие, что у родителей есть и другие приоритеты. С раннего детства я чувствовал некоторую отстранённость со стороны близких людей, и совсем не ощущал того, что называют родительской опекой. То, что я был предоставлен сам себе, так или иначе, сослужило мне хорошую службу, научило быть самостоятельным и сформировало многие другие полезные черты характера.

В компании ребятишек, которым исполнилось восемь-десять лет, заводилой был светловолосый мальчуган по имени Ник, предпочитавший, чтобы его называли как взрослого – Клаус. Своё право на главенство он завоевал, прежде всего, при помощи кулаков, наглядно продемонстрировав твёрдый и неуступчивый характер. Любимым развлечением Клауса была военная игра с немудрёным названием «Атака». Подозреваю, что он сам её и придумал, взяв за основу обычные детские игры с предметами, имитирующими оружие. Проще говоря, это были разнокалиберные палки, которым не нашлось применения в хозяйстве. Игра, придуманная Клаусом, отличалась повышенным травматизмом участников, и редко кто обходился без синяков, шишек и ссадин. Начиналось всё ранним утром, когда позавтракавшие мальчишки покидали жилые помещения и разбредались в разные стороны, чтобы не путаться под ногами у взрослых. У каждой компании было своё место для игр, как правило, в самых даль-

них пещерах, в которые ещё разрешалось заходить без сопровождения старших. Для проведения «Атаки», Клаус облюбовал широкую, достаточно светлую каверну с низким потолком, куда никто из взрослых без особой надобности не заглядывал. Здесь и собирались мальчишки, желающие принять участие в игре. Её правила были просты, но роли Клаус распределял лично. Он как-то сумел раздобыть десяток старых кожаных вёдер, сшитых из толстых выделанных шкур. Такие применялись в каждом хозяйстве для переноски воды из горных источников. Видимо, старые вёдра где-то долго лежали, потому что подгнили и нестерпимо воняли. Клаус использовал их в качестве шлемов.

Перед началом игры, он окидывал взглядом собравшихся мальчишек и принимался делить участников на две группы. По правую руку от себя, Клаус ставил всех своих друзей, а по левую остальных ребят, большинство из которых составляли дети Хранителей. Вот им и выдавались пресловутые вёдра, которые приходилось надевать на голову. Прошло столько лет, а я до сих помню это ощущение. Отвратительное, сырое, дурно пахнущее ведро так давило на макушку, что заставляло приподнимать плечи, чтобы тяжесть гнилой кожи пришлась на них. Никаких отверстий для глаз в таком «шлеме» не предполагалось, в нём и дышать-то можно было с трудом. Вместо оружия были гладко оструганные палки, которые участники приносили с собой. Раздав «шлемы», Клаус громко кричал, подавая сигнал к началу игры:

– Атакуем вражеских ублюдков!

С воплями и улюлюканием, бойцы его команды кидались на противника и начинали колошматить палками по кожаным вёдрам. Тяжёлая сырая кожа значительно смягчала удары, но раззадорившиеся мальчишки промахивались и попадали по плечам, рукам и спине. Но большие всего травм наносили друг другу сами «шлемники», пытавшиеся вслепую отбиться от нападавших. Игра заканчивалась довольно быстро, как только последний «враг» падал на землю, оступившись во время очередной попытки увернуться от удара. Хорошо, хоть, Клаус не давал бить упавших. Собрав вёдра, он предлагал:

– Давайте заново!

Соглашалось, как правило, не больше половины от первоначального состава, да и то, с тайной надеждой, что Клаус не станет надевать им на голову «шлемы». В числе таких наивных оказывался и я, веривший, что справедливость должна восторжествовать, и в следующем раунде «Атаки» мне не достанется гнилое ведро. Но у Клауса на этот счёт было другое мнение, и на мою голову в очередной раз водружался «шлем». Разумеется, это было не честно, но восставать против мнения нашего лидера было опасно. Несогласным Клаус отвечивал затрецину, а потом выгонял, наподдав напоследок под зад ногой. Сейчас подобные игры могут показаться дикостью, но в те годы, гуманизм не был приоритетным направлением в воспитании детей. Те, кто раскисал после несильного удара палкой, едва могли бы выжить, оказись они за пределами безопасных горных пещер.

Во мне постепенно зрел протест, оформившийся в немудрёную идею: «если Клаус играет нечестно, то я тоже имею на это право». И однажды я схитрил, подложив под ведро туго свёрнутую накидку, которую захватил с собой. «Шлем» больше не защищал шею, но я имел возможность видеть хотя бы ноги нападавших. Помогло это отчасти, тяжёлое ведро не позволяло быстро уклоняться от палок, и первый раунд «Атаки» я закончил, как всегда, на земле. Ударов в тот раз мне досталось гораздо меньше, и эта маленькая победа придала уверенности.

Во втором раунде я поступил точно также, но уворачиваться не стал. Дождался, когда в поле зрения покажутся ноги противника и ткнул вперёд концом своей палки, нанося колющий удар в живот. Нападавший охнул и сложился пополам. Не мешкая, я сдёрнул со своей головы ведро и нахлобучил его на побеждённого врага, которому и такого толчка хватило, чтобы свалиться на пол. В носу ещё ощущалась вонь от гнилой кожи, но даже это не омрачило моей радости. Никто не обратил внимания, что в рядах сражающихся произошла рокировка.

План сработал! Собирая вёдра, Клаус остановился рядом, посмотрел на поверженного мною противника, потом на меня. Похоже, у него возникли подозрения, и он уже собирался что-то сказать, когда потиравший солнечное сплетение «враг» запыл:

– Эй, Ник! Так нечестно! Это он должен быть в шлеме. Не по правилам!

Такие речи всегда действовали на Клауса одинаково. Вмиг посуровев, он приподнял за шиворот недовольного и отвесил ему увесистого пинка под зад.

– Проваливай, плакса! Здесь тебе не место. Повернувшись ко мне, Клаус спросил: – Тебя, кажется, Берко зовут?

– Да. – Ответил я.

Клаус хлопнул меня по плечу и сказал:

– Пойдём, приятель, поможешь мне раздать шлемы. С тех пор, я неизменно попадал в команду атакующих.

Клаус никогда не рассказывал о том, что довелось пережить его семье, прежде чем их приютили Хранители. Подозреваю, что воспоминания об этом периоде своей жизни и послужили основой для игры «Атака». Когда я впервые оказался с ним рядом, напротив шеренги мальчишек с вёдрами на голове, то поразился тому, как изменилось лицо Клауса после того, как прозвучал сигнал к началу игры. Он стал напоминать оскалившегося пса, готового зарычать в любое мгновение. Видя, с какой злобой Клаус колотит по вёдрам, я понял, почему его палка была самой тонкой, в противном случае, он просто кого-нибудь бы покалечил.

Уже много позже, мне довелось узнать, что шлемы, своей формой напоминавшие вёдра, в те времена носила тяжёловооружённая пехота, входившая в состав армии герцога Энгельбрукского.

Для мальчишек жизнь в горных пещерах была одним увлекательным приключением. Все ранее исследованные области таили в себе много интересного, чего уж говорить о неизученных местах. В горах иногда случались обвалы, и тогда открывался доступ в другую сеть пещер, порой труднопроходимых даже для опытных первопроходцев-разведчиков. Мальчишки просто бредили этой профессией, требовавшей отваги и незаурядных навыков ловкости. Смысл работы разведчиков был не в том, чтобы находить новые пещеры, пригодные для обитания. Недостатка в свободном пространстве никто не испытывал, если, конечно не вспоминать, откуда мы пришли в эти горы. Разведчиков, прежде всего, интересовали два вопроса.

Во-первых, они проверяли, не имеет ли вновь открытая сеть пещер выхода на поверхность у подножия гор. Небезопасные с этой точки зрения направления отмечались и тщательно потом заваливались камнями на максимально возможную глубину. Увеличение количества путей, сообщающихся с внешним миром, в планы Хранителей не входило. Во-вторых, разведчики изучали осыпи горной породы, образовавшиеся в результате очередного обвала. В камнях можно было отыскать вкрапления драгоценных металлов, маленькие, как зёрнышки пшеницы, или даже мельче. В стенах неразведанных пещер попадались целые россыпи золота и серебра, но добывать их никто не решался после того, как несколько разведчиков отдали свои жизни за обладание этими драгоценными крупицами.

Ни для кого из членов Ордена Зрячих сейчас не является секретом происхождение таинственных Стражей, прозванных големами. Переустроивавшие мир Древние позаботились о том, чтобы их творение ремонтировалось и охранялось созданиями, не требующими пищи или воды. Вкрапления драгоценных металлов составляли единую коммуникационную сеть, пронизывавшую всю толщу гор. Она являлась частью грандиозного замысла Древних и была подобна нервной системе живого организма. Но организмы стареют и дряхлеют. Точно так же обветшали горы, а происходившие в них обвалы и разрушения говорили о том, что даже творения Древних не щадит время. Всё это я узнал много лет спустя, когда смог получить доступ к одной из сокровищниц знаний, оставленной Древними в нашем мире.

А тогда, обитатели пещер были очень встревожены, узнав, что трое разведчиков не вернулись из поиска. Совсем недавно они обнаружили путь в богатые золотом места, и должны были вернуться с богатой добычей. Отправленные на их поиск люди возвратились с дурными известиями. Найденные мёртвыми разведчики выглядели так, словно побывали под обвалом. В их телах сложно было найти хоть одну кость, которая не была бы сломана. Никаких следов от воздействия оружия обнаружено не было, а все их вещи, и даже добытое золото остались в неприкосновенности.

Столкнувшись с такой загадкой, Хранители на время прекратили деятельность разведчиков, до выяснения причин гибели людей. Никакого внятного объяснения произошедшему предложить не удалось, но кто-то вспомнил, что у найденных в пещерах человеческих останков кости были раздроблены схожим образом. А следы металлического инструмента на стенах позволяли предположить, что те, кто искал здесь золото до нас, сталкивались со схожими проблемами. Возможно, именно поэтому и были покинуты пещеры.

Вскоре удалось выяснить, что людей убивают странные создания, выраставшие прямо из камня неподалёку от места, где была нарушена целостность золотой россыпи. Каменные великаны охраняли сокровища гор и никому не позволяли на них покушаться. Несмотря ни на что, добыча драгоценных металлов снова возобновилась, но только среди осыпавшейся горной породы. Золото и серебро были крайне необходимы для выживания наших людей.

Вести в пещерах хозяйство не представлялось возможным, поэтому все продукты питания покупались за пределами гор. В разорённой войной и грабежами стране ещё оставались крестьяне, находившие излишки сельскохозяйственной продукции, чтобы продать их любому, кто предложит достойную цену. А цены взлетели настолько, что в мирное время на те деньги, которые сейчас просили за одного гуся, было по силам купить пару-тройку овец. Крестьян можно было понять – они и так страдали от непосильных налогов, подвергались риску расстаться со всем имуществом, а то и с жизнью.

Мечтавших о подвигах мальчишек напугать не могло ничего, даже рассказы об ужасных големах. Я, как и большинство четырнадцатилетних сверстников, дни напролёт лазил по пещерам и был бы не против увидеть самого настоящего каменного Стража. О том, чем могла закончиться такая встреча, никто из нас не задумывался. Когда ты молод и полон сил, кажется, что с тобой не может случиться ничего плохого. Случай, о котором я сейчас расскажу, как раз и научил меня быть осторожным.

– Ты пойдёшь со мной, Берко? – Спросил Клаус. – Джерд и Алоис сразу отказались. Лопочут про какие-то важные дела, но толком ничего не объясняют. Руди подвернул ногу, а Фалко просто трусил. Сам признался, что у него поджилки трясутся, когда он думает о моём предложении. Мне больше не к кому обратиться.

За годы, прошедшие с нашей первой встречи, Клаус вырос и выглядел гораздо старше своих лет. Он уже давно не стучал палкой по надетым на голову «врагов» старым кожаным вёдрам. Но в нашей компании был безоговорочным лидером. Клаус мечтал добыть сердце каменного Стража. Кто ему сказал, что у каменных великанов есть сердце, я не знаю, но мой приятель был просто одержим этой идеей. Он не говорил напрямую, зачем оно понадобилось, но у меня на этот счёт свои предположения были.

Похоже, Клаус хотел произвести впечатление на одну девчонку, внимание которой всячески старался привлечь. В частично уцелевших архивах Хранителей мой отец отыскал упоминания о самособирающихся антропoidных роботах, охранявших и обслуживавших коммуникационные сети внутри гор. К сожалению, в архивах не сохранилось никаких сведений об управлении роботами, поэтому отец строго-настрого наказал избегать любых контактов с ними. Рассказать Клаусу правду я не мог, как бы сильно ни хотел это сделать, и дело было вовсе не в том, поверил бы он мне, или нет

Хранители не ставили своей целью распространение информации об окружающем нас мире среди всех обитателей пещер. Что-либо рассказывать беженцам и их потомству запрещалось, ведь, им необязательно было знать больше, чем требовалось для их повседневной работы. Мои родители сетовали, что и среди своих, не многие отличались тягой к наукам. Хранители постепенно теряли интерес к сохранению той частицы знаний, которая у них осталась. Неудивительно, что их юные отпрыски больше времени проводили, без дела болтаясь по пещерам, нежели занимались с учителями. Мой отец не одобрял такого подхода к воспитанию детей, поэтому следил за тем, чтобы я осваивал не только базовые знания.

– Ты твёрдо решил? – В свою очередь спросил я, немного знавший об истинной природе каменных Стражей.

– Конечно. – С уверенностью ответил Клаус. – Я придумал, как ослабить Стража. Кто-то рассказывал, что один из великанов случайно прошёл через костёр и после этого двигался медленнее. Значит, огонь способен причинить им вред. Мы разожжём костры, вызовем Стража и сделаем так, чтобы он прошёл через пламя. А потом я разобью его и достану из каменной груди сердце. Ну, как, согласен?

Сказав это, Клаус с лёгкостью перебросил из ладони в ладонь увесистую кувалду.

На мой взгляд, план был абсолютно безумным. Клаус не так уж часто генерировал идеи, но, придумав что-либо, отстаивал это с невероятным упорством. Отговаривать его было бесполезно, даже если бы сейчас ему предъявили поверженного каменного Стража, у которого бы отсутствовал искомый орган. Если Клаус убедил себя, что сердце у Стража есть, значит, оно должно у него быть. Я понимал, что если сейчас откажусь, то он всё равно отправится в одиночку претворять в жизнь свой план. Просчитать последствия было нетрудно, поэтому я кивнул головой и подтвердил:

– Согласен.

– Спасибо, Берко! Я был в тебе уверен. Ты, ведь, никогда меня не предавал. Жду тебя завтра с утра на нашем месте.

Не дав мне вставить слово, Клаус, махнул рукой на прощанье и, не оглядываясь, пропустил к выходу из пещеры. Наверное, побежал готовиться к завтрашнему походу. А я остался наедине с нерадостными мыслями. Согласившись на предложение Клауса, я становился соучастником совершенно безнадёжного мероприятия, которое, без всякого сомнения, должно будет закончиться нашей гибелью. Значит, чтобы спастись самому, и уберечь от смерти друга, требовалось создать условия, при которых исполнение плана Клауса будет невозможно. Возникшая в моей голове мысль была не менее безумна, но, в тот момент, мне казалось, что я нашёл способ спасти нас обоих. Но, для начала, требовалось получить кое-какую информацию у знающего человека.

– Папа, а каков максимальный срок существования каменных Стражей?

Большую часть дня отец проводил за восстановлением старых записей. Архивы Хранителей были повреждены и порой на экране монитора появлялись совершенно невообразимые комбинации цифр и букв. Всё что удавалось разобрать, отец записывал в другой файл, а остальное помечал, как «нечитаемое». Моему воспитанию он уделял не слишком много времени, ограничившись преподаванием научных дисциплин. Любознательность отец поощрял, и я решил этим воспользоваться.

– С чего это ты ими заинтересовался?

– Мальчишки только о них и говорят, – честно сообщил я.

– Сведений очень мало, – признался отец. – Роботы-ремонтники должны функционировать в пределах десяти дней. Роботы-секьюрити, которых довольно точно прозвали «стражами», в два раза меньше. Есть ещё упоминание о роботах-проходчиках, в задачу которых входило создание искусственных тоннелей. Про них мы почти ничего не знаем.

– Которые из них наиболее опасны?

– Неужели трудно догадаться? К тому же, секьюрити единственный вид роботов, который автономно реагирует на повреждения датчиков.

– Получается, что ремонтник сам не появится?

– Нет. Древние инициировали специальную программу с какого-то неизвестного нам устройства.

– А как секьюрити определяет, что повреждение произвёл человек? Ведь при обвалах Стражи не появляются.

– Ты же имеешь представление об иммунитете, свойственном живым организмам. Если представить, что гора является биологическим объектом, то появление секьюрити, своего рода, иммунный ответ на вторжение чужеродного вещества.

– Понятно. А что-нибудь может ограничить время функционирования робота?

Мой отец не очень любил вопросы, выходящие за рамки его компетенции, поэтому он нахмурился и сказал:

– Лучшие бы ты, с подобной дотошностью, интересовался квантовой физикой.

– Хорошо, папа, – немедленно согласился я, чувствуя, что дальнейшие расспросы могут вызвать подозрения.

Разумеется, я раньше слышал о существовании роботов-ремонтников и втайне надеялся, что отец знает способ вызова безопасного для людей голема. Получив отрицательный ответ, мне стало ясно, что блестящая, на первый взгляд идея, не осуществима. Чтобы обезопасить себя и Клауса, придётся задействовать некоторое техническое средство, пользоваться которым мне не очень хотелось. Остатки спасённого имущества Хранителей хранились у моего отца, и некоторые из этих забавных вещиц мне удалось стянуть. Я не был порочным, склонным к воровству ребёнком, а делал это просто из любопытства. К тому же, обладание такими «сокровищами», как неработающий аккумулятор, или сломанный оптический преобразователь, значительно повышало мой авторитет среди сверстников.

Несколько лет назад мне под руку попались небольшие, в ладонь длиной, металлические цилиндры. Помню, что я выстроил их на полу жилой пещеры в ряд, словно кегли, и прицельно бросал в них свой мяч. Цилиндры весело звякали по каменному полу, а я сопровождал каждый удачный бросок радостными восклицаниями. Всё было прекрасно до тех пор, пока не пришла мама. Ни до, ни после этого я не видел у неё такого взгляда. Она отобрала у меня «кегли», закатила отцу грандиозный скандал, и с тех пор он стал держать свой скарб под замком. Я подозреваю, что отец и сам не знал, сколько цилиндров у него было, потому что двух штук, закатившихся в неглубокую расселину, он так и не хватился.

Я был мальчишкой запасливым, поэтому прибрал их к рукам и спрятал подальше, добавив к остальным своим безделушкам. Возможность узнать, что же это такое, появилась у меня где-то за полгода до описываемых событий, когда к отцу за советом пришёл один из разведчиков. Требовалось закрыть довольно крупный тоннель, который, как выяснилось, имел выход к подножию гор. Засыпать его камнями не представлялось возможным, нужно было подыскать более радикальное средство. Отец достал сундук с припасами и попросил меня выйти. Ему было невдомёк, что я давно нашёл способ слышать всё, что происходит в этом помещении, даже если сам находился в соседнем. Пустоты в смежной стене позволяли это делать без всякого труда. Не скажу, что я злоупотреблял этим, но некоторые из разговоров между родителями и их гостями меня крайне интересовали. Вот и в тот раз, я вынул из отверстия в скальной породе моток шерсти, препятствовавший прохождению звука, и прислушался.

– ...применять с максимальной осторожностью, – сказал отец. – Только после того, как убедишься, что обрушение произойдёт в нужном месте.

– Понял. – Ответил разведчик. – Как этим пользоваться?

– Поворачиваешь до щелчка вот с этой стороны. Другая сторона предназначена для дистанционного взрывателя. К большому сожалению, у нас его нет. После щелчка из торца

выдвинется выступ, напоминающий шляпку гвоздя. Для активирования заряда ударяешь выступом о камень. После этого раздастся звуковой сигнал обратного отсчёта. Сначала сигнал будет одиночным, спустя некоторое время – двойным, а перед самым взрывом станет тройным. Тройной сигнал прозвучит не более пяти раз. У тебя будет всего минута, поэтому рассчитай всё заранее и постарайся покинуть зону разрушения заблаговременно.

– Понял. Я отправляюсь немедленно.

«Вот бы мне такую штуковину», – подумал тогда я и поспешил к выходу, чтобы успеть сказать «до свидания» гостю.

Каково же было моё удивление, когда в руках у разведчика я увидел тот самый металлический цилиндр, который когда-то использовал вместо кеглей. Первым моим порывом было сдать опасные предметы отцу, и я даже попытался деликатно намекнуть об имевшейся у меня взрывчатке, но он сослался на занятость и попросил разговор отложить. Этот порыв улетучился довольно быстро, уступив место желанию опробовать цилиндр в деле. Мне хватило благоразумия, чтобы не швырнуть взрывчатку в ближайший колодец, хотя подобные мысли и приходили иногда в голову. С одной стороны, взрывать что-либо одному было не слишком интересно, а с другой, я понимал, что демонстрировать детям беженцев подобные вещи нельзя. Пока я разрывался между этими противоречивыми чувствами, желание устроить большой бум постепенно сошло на нет, и цилиндр был вновь помещён в тайник до лучших времён.

Думаю, что ты, мой преемник, уже догадался, каким способом я решил уничтожить голема. Может показаться удивительным, но я сам прекрасно осознавал, что выбрал крайне опасный и не слишком надёжный метод.

– Привет, Берко! – Клаус крепко пожал мне руку и указал на одну из двух больших вязанок дров. – Хватай. Нужно торопиться, пока нас никто не заметил.

Тут он был прав. Древесина в пещерном поселении очень ценилась, и объяснить, куда мы несём столько дров, было бы очень непросто. Не желая рисковать, Клаус сразу же спустился в пещеры нижележащего яруса и дальше пошёл по оставленным ранее меткам. Передвигаться по этим пещерам приходилось почти в полной темноте. Клаус берёт дрова и не соглашался запалить даже один единственный факел.

– Тут не опасно, Берко, – успокаивал он меня. – Пол достаточно ровный, ни трещин, ни провалов. Я проверял. Скоро начнётся подъём, и мы выйдем туда, где света будет достаточно.

Мне оставалось только вздохнуть и снова взвалить на себя ставшими совершенно неподъёмными дрова. По словам Клауса, мы едва миновали половину пути, а вся его затея, не особо привлекательная изначально, начинала казаться невыполнимой. Чувствуя моё настроение, Клаус стал делать привалы чаще, но вязанка дров легче от этого не становилась. Обещанный ранее подъём я преодолел кое-как, глухо рыча и согнувшись под тяжестью ноши. Я настолько устал, что, не став осматриваться по сторонам, уселся прямо на каменный пол и закрыл глаза. Единственная мысль, которая меня сейчас занимала:

«Чтобы я ещё раз позволил втянуть себя в подобную авантюру... никогда больше...».

– Посмотри, Берко, какая красота! – Раздался рядом восхищённый голос моего приятеля.

Я нехотя открыл один глаз и поразился увиденному. Каверна, в которой мы сейчас находились, была освещена ярче, чем любое из помещений, где мне доводилось до этого бывать. Это не был дрожащий свет факелов или масляных светильников. Сквозь пролом у себя над головой я увидел настоящее небо, и таких проломов вокруг было несколько. Судя по всему, потолок пещеры состоял из совсем тонкого слоя горной породы. Местами настолько тон-

кого, что, впитавший в себя солнечный свет камень, сам начинал издавать неяркое золотистое свечение.

– Здесь светло, как и было обещано, – самодовольно произнёс Клаус, – а самое главное, что здесь очень подходящее место, для того, чтобы костёр хорошо горел. Пламя будет высоким, и не станет стелиться понизу. В этой пещере и жить было бы неплохо. Светло, просторно. Ночью видно звёзды. Красота! Как ты думаешь, что бы на это сказал твой отец?

– Сказал бы, что свод ненадёжен и кругом сквозняки, из-за которых расход дров для отопления увеличится в несколько раз. – Мрачно подытожил я, думая о том, что взрыв, наверняка, вызовет полное обрушение потолка каверны.

– Да уж, никакой романтики, – вздохнул Клаус и потащил вязанки дров к противоположной стене пещеры. – Отдыхай, пока, Берко. Мне будет не трудно самому разложить костры.

Отдохнуть мне действительно очень хотелось, но ещё больше хотелось вникнуть во все детали плана, озвучивать который мой приятель не торопился. Оказалось, что для охоты на голема Клаус облюбовал длинный узкий коридор, заканчивавшийся тупиком. Вот в нём и находилась довольно крупная россыпь золотых и серебряных крупинок, наискось пересекавшая стену. Клаус разложил из принесённых дров пять костров на расстоянии в пару ярдов друг от друга. Видимо, результат не произвёл на него должного впечатления, потому что он один костёр убрал, распределив составлявшие его дрова по четырём остальным. Меня эти приготовления не слишком заинтересовали, и я спросил Клауса о главном:

– Как же ты собираешься вызвать каменного Стража, находясь так далеко от россыпи?

В ответ он хитро улыбнулся и достал из мешка старую кирку, кувалду и разной длины мотки верёвки.

– Я всё придумал. Нам не нужно будет находиться в опасной близости от золота. Гляди.

Увидев, что изобрёл Клаус, я стал лучше думать об его умственных способностях. Он вбил в стену над россыпью длинный металлический крюк и привязал к нему короткую верёвку, конец которой закрепил на рукояти кирки. Самую длинную верёвку Клаус крепким узлом затянул на ударной части кирки, а свободный конец протянул мимо костров вдоль стены ярдов на пятнадцать.

– Всё очень просто, Берко. Я зажигаю костры и встаю позади них с кувалдой наготове. Ты дёргаешь за верёвку, и кирка начинает выколачивать из стены золото. Как только появится каменный Страж, он бросится к нам через пламя, и тут я его хорошенько приласкаю кувалдой.

– Ты уверен, что пламя на него подействует?

– Уверен. Помнишь, что рассказывал Велтен? Ну, тот, единственный выживший из тех, кто встречал Стража. Он говорил, что голем как будто сделан из сырого песка, только очень твёрдого. Сырого! Понимаешь? Огонь его высушит, а я ударом кувалды разрушу, как глиняный горшок.

«Вроде бы всё логично, – подумал я, – но взрывчатку нужно держать наготове».

На вид, потолок здесь был крепче, чем в пещере, и это меня немного успокаивало. Клаус, тем временем, разжёл костры и, взяв в руки кувалду, изготовился встретить голема в трёх ярдах впереди меня.

– Начинай, Берко!

Я потянул за верёвку, отпустил и услышал, как остриё кирки врезалось в камень. Ничего не произошло.

– Продолжай! – Крикнул Клаус. – Надо не пропустить момент, когда жар от огня будет самым большим.

Кирка вновь ударила по камню, потом ещё раз. Пламя поднялось довольно высоко, и несколько огненных языков лизнули верёвку. Опасаясь за её целостность, я несколько раз дёрнул посильнее, стараясь отодвинуть верёвку в сторону, и в этот момент раздался странный хруст. Звук доносился со стороны золотой россыпи, но пламя мешало нам рассмотреть, что же там происходит. Верёвка в моих руках утратила натяжение и упала на пол, похоже, что огонь всё-таки до неё добрался. В следующий момент над головой Клауса со свистом пролетела кирка, и я понял, что мы здесь уже не одни. Рука сама собой скользнула в карман и вынула оттуда цилиндр со взрывчаткой.

– Дермо. – Хрипло выругался Клаус. – Сейчас Страж на нас кинется.

В тот миг я не сомневался, что от смерти нас отделяет всего полтора десятка ярдов. Дрожащими пальцами я стал дёргать торцевую часть взрывчатки, ожидая появления активизирующего выступа. Цилиндр в моих руках задрожал, и вместо илlepки гвоздя появилось небольшое углубление. Я облизнул пересохшие губы и вспомнил, что так и не узнал, с какой именно стороны нужно поворачивать. Результатом торопливых обратных действий явилось исчезновение углубления и, в конце концов, мне удалось выдвинуть активизирующий выступ.

– Ты его видишь, Берко? – Спросил мой приятель.

– Нет, – ответил я, – костры мешают.

– Чего он ждёт...

Клаус дёрнул плечами и взмахнул кувалдой. Мне показалось, что он уже видит голема, и моя управляемая страхом рука впечатала активизирующий выступ в стену.

– Что это? – Клаус едва не подпрыгнул, услышав писк, который начал издавать цилиндр.

– Может, Страж ушёл отсюда? – С надеждой произнёс я, так как понимал, что взрывчатку уже пора куда-нибудь бросить. Желательно подальше от того места, где мы стояли.

– Вряд ли. А пламя уже гаснет.

Мой приятель метко пустил длинную струйку слюны в ближайший костёр и шагнул вперёд с кувалдой наперевес. Тотчас же каменный пол содрогнулся, послышался оглушительный грохот, а мне показалось, что это обрушился потолок. Голем беспрепятственно прошёл через все костры, преодолев разделявшее нас расстояние так быстро, что я даже не успел испугаться. Ещё мгновение назад я видел Клауса на фоне костра, а теперь пламя загоразживала здоровенная фигура, похожая на тех жутких уродцев, которых лепил из глины соседский мальчишка. Ему почему-то нравилось создавать кривобоких созданий с толстыми ногами и растущими откуда-то из области шеи длинными корявыми руками.

Не то – всхлипнув, не то – вздохнув, Клаус выронил из рук кувалду, и она непременно брякнулась бы на каменный пол, если бы её не подхватил Страж. Он протянул вперёд свою длинную ручищу и ловко поймал падавший инструмент. Я замер, ожидая, что голем сейчас применит оружие против человека, но он аккуратно опустил кувалду на пол. Двойной писк таймера обратного отсчёта сменился тройным, и мне стало ясно, что время вышло. Наступил момент для принятия решения.

– Прыгай в сторону! – Крикнул я Клаусу и метнул цилиндр в направлении того места, где у каменного великана должна была находиться голова.

Глава 2

Архиепископ так увлёкся, что не сразу заметил наступление рассвета. Только когда заглянувший в окно солнечный луч коснулся чернильницы, Берхард прекратил писать.

«Забавный способ избавления от бессонницы, – подумал он, – как это мне сразу не пришло в голову, коротать ночь до рассвета таким образом».

Переноса на бумагу свои воспоминания, он нисколько не утомился, скорее наоборот, чувствовал себя бодрым и отдохнувшим. Берхард с сожалением закрыл книгу и убрал письменные принадлежности. Со сменой календарной даты стали актуальными очередные проблемы, решение большинства которых требовало от архиепископа личного участия. Он не слишком надеялся на компетентность помощников и предпочитал держать все бразды правления в своих руках. Это было утомительно, временами раздражало, но он привык трудиться с утра до позднего вечера и редко делал себе поблажки.

Берхард взял колокольчик и позвонил, вызывая слуг. Для этих целей он мог бы пользоваться различными устройствами, посылавшими дистанционный сигнал на пульт дежурного, но выбрал такой старомодный способ по другой причине. Много лет назад он ввёл строго правило: «высокотехнологичное оборудование Древних не должно использоваться для создания дополнительного комфорта». Ни один из братьев Ордена Зрячих не мог нарушить это правило, в том числе и сам архиепископ. Будучи Командором созданного им Ордена, Берхард не требовал для себя никаких особенных привилегий, и в этом служил примером для остальных братьев.

Двери опочивальни отворились, пропустив троих послушников в серых рясах, которые торопливо принялись за уборку помещения. Двое занялись перестиланием постели, в задачи третьего входила замена кубка для питья, а также инспекция ночной вазы. Чтобы не мешать уборке, архиепископ отошёл к окну. Со стороны казалось, что он наблюдает за игрой солнечных бликов на крышах и куполах городских строений, но это было не так. Коснувшись рукой створки витражного окна, Берхард направил встроенное туда зеркальце так, чтобы видеть происходящее за его спиной.

Пережив за свою долгую жизнь несколько покушений, он всегда настороженно относился к людям, с которыми делил одно помещение, даже если их пребывание там было кратковременным. Степень знакомства с этими людьми играла вторичную роль. Предать могли и те, кто до этого служил верой и правдой долгие годы. Если бы самому архиепископу кто-либо задал вопрос: «А не является ли его настороженность обычной трусостью?», то получил бы ответ: «Нет, не является». Берхард не боялся смотреть в лицо опасности, но считал, что только безрассудные глупцы попадают в ситуации, требующие от них беспримерной отваги. По его глубокому убеждению, здравомыслящий и тонко чувствующий обстановку человек способен распознать ничтожные признаки грозящей ему беды и, сделав соответствующие выводы, избежать угрозы.

Вот и сейчас Берхард заметил, как один из послушников проявляет избыточный интерес к ящикам прикроватного столика. Пару раз он коснулся поверхности полированного дерева, вероятно, проверял, заперт ли на ключ верхний ящик. Для того чтобы просто перестелить постель, подобные действия не требовались. Архиепископ пригляделся к послушнику, запоминая приметы, по которым сможет его описать в дальнейшем, и отметил, что парень слишком уж тщательно разглаживает морщинки на простыне. На его руки мог быть нанесён токсичный состав. Такое очень легко проделать без вреда для собственного здоровья, если предварительно покрыть ладони тонким слоем воска.

«Нужно проверить простыню на предмет пятен, – подумал Берхард, – следы воска просто так не скрыть. Интересно, кто из моих недругов способен проявить подобную изобретательность?»

Послушники удалились. Архиепископ приблизился к своей кровати, прежде чем взяться за покрывало, внимательно изучил ткань, сделал несколько взмахов ладонью возле лица, приносясь к доносившимся запахам. Свежие простыни благоухали мятой, которая, по мнению врачей должна была способствовать крепкому и здоровому сну. Не заметив каких-либо подзрительных оттенков в мятном аромате, Берхард двумя пальцами взялся за покрывало и рывком откинул его в сторону. На первый взгляд, простыня была идеально чистой, но архиепископ давно перестал считать беглый осмотр надёжной процедурой для выявления скрытых угроз.

Он достал из ящика стола увеличительное стекло и стал подробно изучать каждый квадратный дюйм простыни. Следы ладоней он обнаружил достаточно быстро и мысленно похвалил себя за неутраченные с годами навыки. Пятна на ткани были едва различимы, но они вполне соответствовали положению рук послушника в тот момент, когда он разглаживал складки на простыне. Следствие можно было считать закрытым, оставалось только определить, какое вещество было использовано.

«В химической лаборатории так и не могут пока отладить Универсальный хроматограф, – недовольно подумал Берхард. – Восстановить получилось, а заставить стабильно работать – никак. Жаль. Сэкономили бы кучу времени. А так придётся действовать по старинке, применяя различные реактивы. Хотя... В этом нет никакой надобности. Факт злого умысла можно считать доказанным».

Он снова позвонил в колокольчик, подавая сигнал секретарю. Рабочий кабинет архиепископа располагался над его опочивальней. Чтобы пройти туда, достаточно было подняться по отдельной лестнице, пользовался которой только сам первосвященник. Берхард подошёл к двери кабинета и, прежде чем войти, приложил палец к малозаметному выступу на стене. Дактилоскопический датчик считал папиллярный узор его пальца и разблокировал замок. На техническом оснащении комнаты, где принимались решения, от которых зависела судьба мира, архиепископ не экономил. Помимо охранной сигнализации, в кабинете был установлен монитор, ведущий видеозапись всех посетителей. Если беседа оказывалась особенно интересной, в свободное время Берхард внимательно пересматривал запись, изучая реакцию собеседника на те, или иные вопросы.

Архиепископ отдёрнул закрывавшую окно портьеру и перед ним открылась панорама утреннего Остгрэнца. По улицам уже спешили пешеходы, направлявшиеся в ближайшую церковь на утреннее богослужение. Торговцы открывали витрины своих магазинчиков и выносили на улицу прилавки. Между столбами уличного освещения сновали с шестами и лестницами фонарщики и проворно гасили фонари, свет которых уже не мог конкурировать с лучами восходящего солнца. Только в полосе длинной тени, отбрасываемой высокими башнями монастырского замка, масляные фонари ещё могли выполнять свою задачу по освещению улиц. Перечеркнувшая город тень делила его на две неравных половины. В меньшей из них, активность населения по утрам была выше, и за долгие годы наблюдений, Берхард так и не смог выяснить причину этого странного явления.

Он любил смотреть из окон своего кабинета на Остгрэнц в разное время суток, но утреннее пробуждение целого города было сродни некоему мистическому действию. Спящие в своих домах жители были подобны зародившейся внутри мёртвого камня жизни, покидая дома, они символизировали победу живой природы над мёртвой материей. Вечером люди возвращались в свои жилища, чтобы наполнить жизнью камень, и цикл преобразования завершался. Прожившего долгую жизнь архиепископа интересовали циклические процессы, как в природных явлениях, так и в сложных общественно-политических объединениях людей. Сделанные

в результате этих исследований выводы были интересны сами по себе, и даже иногда помогали в разрешении сложных дипломатических проблем.

Архиепископ сел за свой рабочий стол и открыл блокнот с записями, где были пометки о наиболее важных делах. С сегодняшнего дня начиналась декада, предшествовавшая празднику Заступничества Великой Матери. В это время высшее духовенство уединялось в своих молельнях, соблюдало строгий пост и на богослужениях не присутствовало. Берхард традиции чтит, поэтому никогда не назначал встречи и совещания в предпраздничную декаду. Но это не означало, что он устранился от дел и больше не контролировал ситуацию в стране. Архиепископ зачитывал все докладные записки, решения по тем или иным вопросам принимались оперативно и передавались им через секретаря. Он даже находил время для уединения и молитвы, хотя, при подобном ритме жизни, сделать это было непросто.

Под номером один в списке стоял доклад секретаря. Обязательное мероприятие, которое можно было и не вносить в список дел, но оно всегда вписывалось туда под первым номером, чтобы подчеркнуть особую значимость. Доклад содержал самую оперативную информацию о состоянии дел в государстве, и даже плохое самочувствие архиепископа не являлось поводом для отмены доклада. Впрочем, один раз его пришлось отложить, да и то, по причине внезапной смерти человека занимавшего должность секретаря. Далее в списке следовал не слишком существенный пункт: «донесения от приоров Западного герцогства».

У Ордена Зрячих было несколько подразделений в подконтрольных Энгельбруку землях. Они никак не афишировали свою деятельность, фактически, находясь, на нелегальном положении. Это давало возможность избежать пристального внимания со стороны местной феодальной знати, не любившей вмешательства Церкви в свои дела. Самые ценные сведения, включая копии секретных документов, агенты Ордена пересылали при помощи передатчиков широкополосного цифрового сигнала. Мощность устройств была невелика, дальности не хватало, поэтому донесение проходило по цепочке сравнительно маломощных ретрансляторов. Из того, что агенты присылали в письменном виде, аналитический отдел составлял сводки, периодически попадавшие на стол первосвященника.

Донесения могли подождать, и Берхард этот пункт вычеркнул. Далее оказался вычеркнутым пункт «Разбор споров и жалоб». Архиепископ не любил этим заниматься, но был вынужден, поскольку являлся высшей инстанцией, и его решение по любому вопросу было окончательным. Стилус в руке Берхарда остановился напротив следующего пункта, но через несколько мгновений опустил на бумагу, проведя жирную черту через слова «Финансовый отчёт».

«Всё это может подождать, – подумал архиепископ. – Сразу после доклада буду писать дальше свои воспоминания. Надо было захватить их сюда».

Позвонив в колокольчик, он вызвал секретаря. Последние десять лет эту хлопотную должность занимал человек, о чьей расторопности и предусмотрительности ходили легенды среди братьев Ордена Зрячих. Брат Изидор славился тем, что за всё время своей секретарской деятельности ни разу не испытал на себе гнев архиепископа, беспощадного к людям некомпетентным, или ленивым. Такие моментально лишались должностей, и никакие протекции не могли им помочь восстановить свою репутацию в глазах Командора Ордена. Брат Изидор умел так выстроить свой доклад, что у архиепископа почти не возникало вопросов для уточнения отдельных моментов. Кроме этого, у секретаря всегда была наготове необходимая справочная информация, как по теме доклада, так и по текущим проблемам Ордена. Но, самым главным было то, что брат Изидор не претендовал на роль советника, чем окончательно завоевал доверие Берхарда, не любившего, когда ему навязывают какие-либо идеи. Завершая перечень достоинств секретаря, можно было упомянуть, что он никогда не лебезил перед своим всемогущим шефом.

Временами, у архиепископа возникали мысли о том, что один человек не может быть сосредоточением всех возможных положительных качеств. Какая-нибудь червоточина должна была отыскаться. Он даже поручил установить тайное наблюдение, в том числе с применением технических средств, но ничего подозрительного выявлено не было. Точнее, ничего особо подозрительного. Брат Изидор не был склонен соблюдать целибат, и это очень быстро выяснило наружное наблюдение. На стол Берхарда легли неопровержимые доказательства его прелюбодеяний, совершаемых с теми из жительниц Остгренца, кто не был отягощён высокими моральными устоями.

Перед архиепископом возникла дилемма. С одной стороны, секретарь с такими профессиональными качествами служил у него впервые, а с другой стороны, брата Изидора требовалось примерно наказать. В конечном итоге Берхард собрался принять окончательное решение после того, как лично исповедует провинившегося священника. Для любого из братьев Ордена это была великая честь, и брат Изидор с радостью согласился. На исповеди он без утайки рассказал о своём грехе, покаялся и сам попросил наложить на него строгую епитимью.

Архиепископ знал, что целибат не входил в число строго соблюдаемых ограничений, и что монахи втайне бегают в город к продажным девицам. О таких похождениях было не принято говорить своему духовнику, в шкафу у которого вполне мог пылиться точно такой же скелет. Раздумывая над епитимьей, которую следовало наложить на брата Изидора, Берхард задал вопрос, готов ли он впредь избегать плотских отношений с женщинами, и был потрясён ответом. Нет, сказал ему тогда священник, я человек из плоти и крови, дух мой пока ещё слаб и не одержал верха над греховной по своей сути человеческой природой. После таких слов архиепископ велел убрать наружное наблюдение и больше не фиксировать каждый шаг своего секретаря, а компрометирующие видеоматериалы были стёрты из всех архивов.

– Монсеньор, – произнёс вошедший в кабинет брат Изидор и склонил голову в полупоклоне. – Дозволено ли мне будет начать сразу?

– Нет. Сначала решим вопрос с одним из послушников. У меня возникли серьёзные основания для подозрений. Даже, больше, чем подозрений: я уверен в его предательстве. Вы знаете, что делать, брат Изидор.

– Разумеется. – Едва заметно кивнул секретарь. – Мне нужны его приметы.

– Один из тех, что перестилал постель. – Принялся вспоминать Берхард. – Тот, который пониже ростом. Был одет в новый, по-моему, даже не стиранный ни разу балахон послушника.

– Этого достаточно. Я справлюсь у брата-кастеляна, кого сегодня отправляли к вам в услужение, и проведу собственное расследование.

– Думаю, расследование ничего не даст. – Скептически покачал головой архиепископ. – Это очень хитрый пройдоха. Он, наверняка прикинется невинной овечкой и станет всё отрицать. Сделайте так, чтобы я больше никогда его не видел.

– Как прикажете, монсеньор. Больше распоряжений не будет?

– Пока нет. Я готов заслушать доклад.

Хорошо изучивший привычки архиепископа Изидор, догадался о его намерении побыстрее закончить с текущими делами, и стал подавать информацию в предельно сжатой форме:

– В Энгельбруке обостряется противостояние между элитой дворянства и наиболее состоятельными представителями купеческого сословия. И те и другие позиционируют себя, как оппозицию его светлости, герцогу Кэссиану. Дворянские круги говорят об этом открыто, критикуя герцога за соглашательскую позицию с политикой Остгренца, которую напрямую ассоциируют с вами, монсеньор. Купечество постепенно осознаёт свою силу, основанную на значительных денежных средствах, и мечтает о передаче власти в Энгельбруке Городскому Совету. Дворянство Западного герцогства считает своей задачей смещение герцога Кэссиана и пересмотр границ сложившихся после окончания Войны Сеньоров.

Сословные противоречия не дают объединиться обеим оппозиционным партиям, и это играет нам на руку. Однако, если предположить, что представители дворянской партии начнут переговоры с купечеством о финансировании военного переворота, очень возможна ситуация, когда старые враги смогут найти друг с другом общий язык. В этом случае вероятен скоротечный, но кровопролитный конфликт, в результате которого значительная часть Западного герцогства станет нестабильным регионом в течение нескольких длинных сезонов. Прямой угрозы для Остгренца не предполагается, но на авторитете верховной власти этот конфликт, безусловно, отразится. – Изидор сделал паузу, чтобы дать архиепископу время на осмысление услышанного.

Ничего нового для себя Берхард не почерпнул. Ситуация в Энгельбруке не менялась последние полвека, с тех пор, как архиепископу удалось внедрить своих людей в ближайшее окружение герцога Сандалфа – отца нынешнего властителя Западных земель. Позже, когда пришло время обучать его наследника грамоте и придворному этикету, эти люди стали учителями и наставниками юного Кэссиана. Настойчиво и незаметно для окружающих, они привили ему отвращение к военным играм и заинтересовали поисками мирных способов решения политических проблем.

Воспитание принесло свои плоды, когда Кэссиан принял герцогскую корону отца. Для того чтобы наследник получил власть в нужный момент, агенты Берхарда аккуратно устранили Сандалфа с политической арены. Несчастный случай на охоте был смоделирован и разыгран, как по нотам. Предназначавшееся кабану копьё вошло отцу Кэссиана в шею и пробило горлань, лишив возможности вымолвить, хоть слово. Одновременно с этим была серьёзно скомпрометирована невеста наследника, происходившая из древнего рода, всегда служившего опорой трону западных герцогов ещё со времён основателя нынешней династии – Герберта.

В итоге Кэссиан получил в жёны дочь сочувствующего политике Остгренца вельможи. Не в пример придворным девицам, способным рассуждать, лишь о нарядах и сплетничать со своими подругами, она отличалась пытливым умом, что позволило ей пройти курс подготовки в Энгельбрукском отделении Ордена Зрячих. Герцогиня Белинда умело направляла политику мужа, в том числе, подав ему идею о сближении с Остгренцем. Она в совершенстве владела искусством плетения интриг и умело использовала свою показную религиозность, чтобы изменить крайне негативное отношение Энгельбрукской знати к служителям Богов. «Красива, как ангел, сладкоречива, как поэт и лжива, как торговка несвежей рыбой», – в кулуарах сказал о Белинде кто-то из придворных.

Десятилетие спустя удалось заключить союзный договор с Западным герцогством. Видимость паритета обеих частей единого государства создавалась тем, что светским главой Союза Верных становился герцог Запада, а духовным наставником объединённого государства – архиепископ Остгренцкий. Не без влияния жены, Кэссиан добровольно передал часть управленческих функций администрации Церкви Двуетного, чем вызвал негодование своего дворянства. Столицей Союза Верных формально считался Энгельбрук. Со всех концов государства в город начали приезжать поэты, художники, ювелиры, кутюрье, постепенно ставшие законодателями моды среди дворянства обеих частей страны. Зато Остгренц стал пристанищем для авторитетнейших философов, учёных и богословов, которые почитали столицу Восточного герцогства в качестве духовного центра Союза Верных.

«Секретарь неспроста поднял эту тему, – подумал архиепископ, – значит, появились какие-то новые сведения. Видимо, решил сообщить их после краткого обзора ситуации».

– В последнее время, – продолжил брат Изидор, – наши агенты стали доносить о том, что герцог Кэссиан всё больше теряет контроль над ситуацией и постепенно устраняется от обязанностей по управлению государством, передавая полномочия своим приближённым. Дворянская оппозиция активизировалась и начала охоту за нашими агентами. Три человека уже погибли при загадочных обстоятельствах, поэтому глава миссии Ордена решил временно

приостановить разведывательную деятельность на территории Энгельбрука. Очень скоро мы не сможем получать информацию о происходящем в городе. Если в ближайшее время не вмешаться, то события могут перейти в неуправляемую фазу.

– Для вмешательства нужен более серьёзный повод, чем смерть нескольких человек, которых мы не станем официально признавать нашими сотрудниками. – Сказал архиепископ. – Вы можете отыскать какую-нибудь вескую причину?

– Есть одно интересное донесение. Сегодня ночью в окрестностях Энгельбрука было совершено нападение демона на мирную жительницу. Женщина погибла. Власти назначили расследование, но огласки происшествие не получило.

– Демон? – Недоверчиво переспросил Берхард. – Сбежал из личного зверинца какого-нибудь эксцентричного барона?

– Больше никакой дополнительной информации. У нас будет повод предложить властям Энгельбрука помощь в расследовании данного инцидента. Мы пошлём туда подготовленных людей, они разведают обстановку и предоставят развёрнутый отчёт.

– Если они решат провести закрытое следствие, то наше предложение помощи, отправленное по официальным каналам, во-первых – запоздает, а во-вторых – будет отклонено. И это несмотря на то, что преступления с участием слуг сатаны подлежат расследованию с привлечением священников. – Недовольно заметил архиепископ. – Действовать нужно быстро, пока они ещё не успели замести все следы. Активируйте ведущую к горам ветку подземной транспортной магистрали Древних. Отправим трёх... нет, пожалуй, группы из двух человек будет достаточно. От горной станции до Энгельбрука они доберутся верхом. Агентам придётся действовать без прикрытия, самостоятельно, полностью исключив контакт с резидентской сетью Ордена. Явный интерес проявлять только к расследованию происшествия с участием демона. Очень важно знать, какие силы будут привлечены для противодействия работе наших агентов. В том, что им тайно, а возможно и в открытую, станут мешать, я не сомневаюсь. Для солидности придать группе статус личных представителей архиепископа, надеюсь, это даст им защиту и повысит авторитет в глазах городской власти. Нужно организовать утечку информации из нашего пока ещё действующего в Энгельбруке отделения Ордена по поводу приезда представителей архиепископа.

– Осмелюсь спросить, зачем?

– Внезапный приезд высокопоставленных лиц может вызвать панику и послужить поводом к необдуманным поступкам со стороны городских властей. Я собираюсь дать им небольшую фору по времени, достаточную для того, чтобы слегка успокоиться, но слишком малую для заметания следов и увода наших людей по ложному пути. Днём позже мы тем же способом отправим в Энгельбрук ещё двоих человек. Их задание будет заключаться в наблюдении за раскладом политических сил в столице Западного герцогства, который может измениться в результате действий первой группы. Я уверен, что дворянская и купеческая партии захотят воспользоваться случаем, чтобы усилиться самим, а если не выйдет, то серьёзно ослабить конкурента.

– Считаю своим долгом напомнить, монсеньор, что ресурс магистрали почти выработан ещё Древними. Если возникнет необходимость в переброске войск, то мы можем столкнуться с проблемами отказа техники.

– Для войск у нас всё равно недостаточно единиц подвижного состава. Пускай магистраль работает сейчас, пока это ещё возможно. А то получится, как с орбитальными спутниками. Они, вроде бы есть, но использовать их мы не можем по причине отсутствия кодов к системе управления.

– Этим занимается целый отдел, монсеньор. Пока результатов нет.

– И не скоро будут, – досадливо поморщился Берхард. – А спутники, тем временем, постепенно сходят с орбиты и медленно сгорают в плотных слоях атмосферы. Мне сообщили,

что в Западных землях ходят легенды о летающих над вершинами гор огненных ангелах. Ересь, конечно, но это не стоит наших усилий по искоренению заблуждений.

– Прикажете подобрать кандидатуры для тайной миссии?

– Да, подготовьте расширенный список кандидатов для первой группы. Нужно дать возможность отличиться кому-нибудь из молодых братьев. Вторым отправим специалиста из технического отдела с соответствующей аппаратурой для проведения исследований в полевых условиях. Комплектованием второй группы займётся агентурный отдел.

– Как вам будет угодно, монсеньор. С вашего позволения я перейду к следующей теме. Сообщение поступило из Кифернвальда. Среди местного населения ходят слухи, что возвратилась пропавшая длинный сезон тому назад наследница баронского титула Милена. Несколько человек утверждали, что видели её своими глазами. К сожалению, репутация этих людей не позволяет сделать выводы о достоверности слухов.

– Они убийцы, или воры?

– Насколько мне известно – нет.

– Патологические лгуны?

– Нет, монсеньор. Один из них просит милостыню на церковной паперти, другой – сильно пьющий ремесленник, третий – повар в захудалой таверне.

– Не вижу повода им не верить. Непрофессиональная работа... напомним, как зовут служителя Богов в Кифернвальде?

– Дело в том, что сообщение пришло не по нашим каналам. Преподобный отец Иаков об этих слухах не упоминает вовсе. Мне почти случайно удалось обнаружить эту информацию. Согласно вашему указанию, я собираю любые сведения, касающиеся пропавшей баронессы фон Кифернвальд.

– Интересно.

По губам Берхарда скользнула едва заметная улыбка, словно по неподвижной поверхности воды промелькнула лёгкая рябь. Если бы при этом присутствовал другой человек, он мог бы удивиться реакции архиепископа, но брат Изидор слишком хорошо знал, что скрывается за такой улыбкой шефа. Глава Церкви Двуетного прекрасно владел собой и не позволял своим эмоциям неконтролируемо вырываться наружу. Улыбка свидетельствовала о том, что Берхард был близок к состоянию, которое у обычных людей называлось негодованием.

– Похоже, отцу Иакову пора на повышение. Подготовьте соответствующее распоряжение о его переводе в Остгренц вместе со списком возможных кандидатур на освободившуюся должность.

– Будет сделано, – сказал секретарь и, сделав пометку у себя в бумагах, подумал:

«Бедняга, наверняка обрадуется. Откуда ему знать, чем обернётся такое „повышение“. Наивный провинциальный священник...»

– Что у нас дальше?

– Донесение из Западного герцогства, из Мораства. Там проживает некто Витус. В прошлом – мастер Цеха красильщиков, где занимался составлением рецептов красителей для придания тканям различных оттенков. Накопил достаточно денег и отошёл от дел, чтобы всецело посвятить себя химическим экспериментам. Называет себя естествоиспытателем. Недавно закончил научный труд, где обосновал принципы изготовления, я цитирую: «смесей моментального воспламенения, способных производить значительное разрушение за счёт чрезвычайно быстрого расширения газообразных продуктов сгорания». Иными словами, он изобрёл...

– Понятно, что он изобрёл. – Архиепископ повёл бровями и шумно выдохнул. – Этого нам только не хватало. Мораст¹... Недаром говорят, что тихие воды глубоки²... Насколько близко он подошёл к созданию взрывчатого вещества?

– Фотокопию трактата я передал в научный отдел для изучения. Судя по их первым отзывам, Витус – грамотный химик, проделавший серьёзную работу по данной теме.

– Какая легенда у внедрённого в окружение Витуса агента?

– Дело в том, монсеньор, что аналитический отдел никогда не считал Витуса достойным своего внимания и по его поводу заявку в агентурный отдел не подавал.

– Ве-ли-ко-леп-но! – По слогам произнёс архиепископ. – Наши аналитики приготовили для меня очередной милый сюрприз. Давно я не беседовал с ними о высоких материях... Черкните у себя пометку и, как только в моём рабочем графике найдётся свободное время, соберём аналитический отдел, всем составом, для серьёзного разговора.

– Я уже записал, монсеньор. Вам угодно узнать, каким образом была получена копия трактата?

– Сделайте одолжение.

– Витус отдал черновик своего научного труда в мастерскую переписчика-каллиграфиста. Он является нашим агентом и всегда снимает фотокопии с наиболее значимых, по его мнению документов.

– Агента наградить. Что касается Витуса... Он уже пытался предложить кому-нибудь результаты своих исследований?

– Точной информации нет. По-видимому, ещё не пытался. Такая вероятность существует, потому, что отойдя от дел, он продолжает консультировать бывших коллег по Цеху, а также специалистов в области металлургии.

– Консультирует бесплатно? В качестве дружеской помощи?

– Да. Хотя, с его стороны были случаи продажи других своих изобретений.

– Например?

– Недавно он передал красильщикам новый закрепитель, улучшающий стойкость цвета окрашенных тканей, и получил за это неплохие деньги.

– Ясно. Не бедствует, но и от заработка не отказывается. Витус набирает учеников?

– У него есть помощники, делающие за него всю грязную работу. Теоретические основы им не преподаются, поэтому учениками их назвать нельзя.

– Нужно внедрить к нему в лабораторию нашего человека. – Сказал Берхард. – Придумайте соответствующую легенду. Пускай это будет недоучившийся студент из Остгренцкого университета, желающий получить знания, которые позволят ему зарабатывать себе на жизнь.

– С факультета естественных наук?

– Нет. Тогда Витус может насторожиться и отнестись к нему с подозрением. Насколько я знаю, не все мастера-практики доброжелательно настроены к людям, имеющим университетское образование. Законченное или нет, им неважно. Агент должен представиться философом, или медиком... Пускай будет философ из богатой семьи, недавно бросивший надоевшую до смерти учёбу. Найдите ответственного неопита, основательно проинструктируйте, снабдите деньгами, которыми он сможет расплатиться за обучение. Его задача – втереться в доверие, узнать, каковы дальнейшие планы Витуса относительно изобретённой им взрывчатки. Если наши худшие опасения начнут сбываться, то учёного придётся ликвидировать, как бы прискорбно это ни звучало. Я буду лично молиться за упокой его души, умоляя Несотворённого Отца проявить милосердие к несчастному представителю рода человеческого, в своей беспечности открывшему людям ужасающее по своей силе оружие. Мы обязаны вмешаться,

¹ * Morast (нем.) – болото, топь, трясина.

² ** тихие воды глубоки – немецкий аналог русской пословицы: в тихом омуте черти водятся

иначе военные Энгельбрука сразу же заинтересуются «смесями моментального воспламенения» и могут использовать их отнюдь не в мирных целях. Тогда жертвы будущих войн увеличатся в десятки, если не сотни раз.

Стоит ли это жизни одного единственного человека? Думаю, да. Благая цель всегда оправдывает средства для её достижения, не так ли?

– Вы совершенно правы, монсеньор. Я законспектировал все ваши рекомендации. Можно переходить к следующему пункту доклада?

– Надеюсь, это не про то, как один из сумасшедших учёных создал оружие на основе деления ядер тяжёлых металлов?

– К счастью, нет, монсеньор. Донесение от нашей службы безопасности. В последнее время среди младших братьев Ордена появилась группа недовольных. Они распространяют нездоровые идеи, дурно влияющие на остальных братьев.

– Нездоровые? – заинтересовался архиепископ. – Как мило. Продолжайте.

– Мне неловко об этом говорить, – смутился секретарь, – но они активно критикуют руководство Ордена, включая...

– Договаривайте, брат Изидор, договаривайте.

– ...включая вас, монсеньор.

– И чего же хочет молодое поколение?

– Они обвиняют руководство Ордена в том, что проводимая по отношению к Западному герцогству политика ослабляет позиции Востока. Планы реализуются плохо, принятые меры запаздывают, инициатива безвозвратно упущена. Из всего этого они делают вывод, что... – секретарь закашлялся и не договорил.

– ...Командора Ордена Зрячих нужно сменить, – закончил за него Берхард.

– Простите, я не смог произнести это вслух, монсеньор.

– Приятно узнать, что среди нас есть люди, переживающие за состояние дел в Ордене, и желающие сделать более эффективной проводимую им политику. Когда вы сказали про «нездоровые идеи», я уж было решил, что речь пойдёт о требовании отменить celibat. Не нужно краснеть, брат Изидор, мы сейчас обсуждаем не ваш случай. Пожалуй, мне следует побеседовать с этими, как вы выразились, «недовольными». Старикам не грех иногда поучиться у молодых. У вас есть соответствующий список?

– Да, монсеньор. Зачитать?

– Не сейчас. Впрочем... – Архиепископ задумался. – У меня возникла мысль. Эти юноши хотят посодействовать Ордену в борьбе с его врагами. Что ж, такую возможность я могу им предоставить. Сколько имён в вашем списке?

– Пять, монсеньор. И они не совсем юноши...

– Значит, выберем троих, самых достойных. – Сказал Берхард, не обращая внимания на последние слова секретаря. – Завтра с утра пригласите их всех ко мне на беседу. Я буду разговаривать с каждым в отдельности. Если они будут убедительны и окажутся верны своим идеалам, то кандидатов для выполнения заданий, о которых мы с вами сегодня говорили, искать больше не придётся.

– Мой завтрашний доклад отменяется? – С беспокойством в голосе проговорил брат Изидор.

– Только основные тезисы в письменном виде.

– Как прикажете, монсеньор. У вас есть ко мне вопросы по докладу?

– Нет. Можете быть свободны.

Архиепископ вернулся в свою опочивальню за книгой, в которую записывал воспоминания, потом снова поднялся в рабочий кабинет. Удобно устроившись за столом, он перечёл последнюю страницу и стал писать дальше:

Не помню от кого, мне приходилось слышать высказывание: с нами непременно случается то, чего мы изо всех сил стремимся избежать. Я не сразу понял заложенный в него смысл, а когда осознал, стало гораздо легче преодолевать трудности, в том числе те, которые сам для себя создал. Со временем стало легче контролировать свой страх, а для этого нужно признаться самому себе, что в этом чувстве нет ничего постыдного. Страх, лишь обостряет инстинкт самосохранения, и если отбросить его в сторону, заменив ничёмной бравадой, это неминуемо приведёт к катастрофе. Но, если страху поддаться, то он парализует волю, превращая человека в жертву обстоятельств.

Всё это я постиг гораздо позже, а в момент взрыва мне было так страшно, как никогда в жизни. Меня настигли страхи, сформировавшиеся в тот момент, когда я впервые увидел выбранное Клаусом место для охоты на голема. Тонкий, просвечивавший на солнце потолок казался таким ненадёжным, готовым рухнуть от малейшего сотрясения, не говоря уж о взрыве. Едва бросив цилиндр, я прикрыл голову руками, но обрушение произошло совсем в другом месте. Обвалился пол. Возможно, это было связано с тем, что прежде чем взорваться, цилиндр отлетел под ноги Стражу. Когда взрывчатка сработала, под каменным великаном разверзлась бездна, он свалился туда и, падая, пробил потолок, а также пол нижележащей каверны. Клаус стоял на самом краю пролома, но не ему было суждено туда упасть. От провала в разные стороны поползли моментально расширявшиеся трещины, а самая длинная из них разверзлась прямо подо мной.

Внезапные падения всегда неприятны, а внезапное падение в глубокую яму неприятно вдвойне. Наверное, стоит считать везением то, что поглотившая меня трещина оказалась не слишком широкой, иначе свободного падения с такой высоты я мог бы не пережить. А так моё тело швыряло из стороны в сторону по узкой расселине, и дело ограничилось переломами полудюжины рёбер и одной сломанной ногой, не считая пары десятков разного размера синяков. Свалившись на кучу мелкой щебёнки, я было решил, что пролетел, чуть ли не мило, но позже выяснилось, что высота падения составила всего около тридцати футов. На моё счастье, Страж грохнулся уровнем ниже. Было слышно, как он копошится среди крупных кусков породы, стараясь выбраться из-под обвала. – Клаус! – Громко позвал я, но запорошённое пылью горло отказалось мне повиноваться, исторгнув какой-то хриплый стон, сменившийся длительным кашлем.

В тот момент я не знал, что произошло с моим приятелем, и пребывал в полной уверенности, что и он свалился вниз. Причина, по которой Клаус не отзывался, могла быть только в том, что ему досталось гораздо сильнее, чем мне. Мрачное местечко, в которое мне посчастливилось попасть, скудно освещалось выпавшим из костра поленом, и пока я приходил в себя, оно успело догореть. Отсутствие освещения всегда производило на меня тягостное впечатление. После такого падения даже шевелиться не было никакого желания, но мысль о том, что здесь темно, как в могиле, придавала сил, заставив меня начать обследование пещеры. Сам не знаю, что я тогда искал, наверное, просто хотел выбраться из ограниченного замкнутого пространства, ведь трещина уже заполнилась обломками камня, и обратный путь был отрезан. Наиболее доступным мне способом передвижения было ползание на четвереньках, а единственным ориентиром служила куча щебёнки. Оттуда я и начал изучать место, едва не ставшее для меня последним пристанищем.

Размышляя о том случае, я проанализировал своё поведение и пришёл к выводу, что больше всего, в тот момент, боялся обнаружить на полу пещеры бездыханное тело Клауса. Наверное, поэтому из моей груди вырвался такой пронзительный вопль, когда под руку попала неровность с характерными очертаниями человеческой руки. Ещё страшнее стало, когда выяснилось, что плоти на руке нет, а кости рассыпаются в прах даже от несильного давления на них. Понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что так быстро истлеть Клаус

не мог, а значит, помимо меня в пещере находился скелет человека, умершего очень много лет назад.

Немного осмелев, я стал осторожно ощупывать находку, и первым, на что наткнулись мои пальцы, был тяжёлый широкий браслет на руке скелета. Мертвец был одет в странную, несколько не пострадавшую от времени одежду, представлявшую собой сшитые вместе куртку и брюки. Я собирался обследовать содержимое карманов, как вдруг почувствовал сотрясение каменного пола под ногами. Судя по всему, голем смог выбраться из-под заваливших его камней и теперь прокладывал себе путь наверх. Трещина на потолке заново разошлась, и если бы я оставался на прежнем месте, то был бы неминуемо засыпан камнями. Бросив взгляд наверх, я увидел склонившегося над провалом целого и невредимого Клауса с горячей головней в руках.

– Берко! – Жалобно прокричал мой приятель, и по его интонациям стало ясно, что повторяет он это не в первый раз.

– Здесь! – Откликнулся я, понимая, что заметить человека на такой глубине не так-то просто.

– Живой! – Завопил Клаус и на радостях уронил пылающую деревяшку прямо мне на спину. – Оставайся на месте! Сейчас я спущу верёвку!

Кисти моих рук не пострадали, поэтому Клаус вытянул меня наверх без особого труда. При подъёме моё несчастное тело моталось из стороны в сторону и пару раз шмякнулось сломанными рёбрами об камень так, что потемнело в глазах от боли, но верёвку из рук я не выпустил.

– Уходим, Берко! А то он выберется оттуда и нам несдобровать!

С моей стороны возражений не последовало, но идти я не мог, и Клаусу пришлось тащить меня на себе до самого дома. Он был крепким парнем и мог двигаться без остановки, но мне самому приходилось просить его о передышке, чтобы хоть немного отдышаться. От боли в сломанных рёбрах я невольно задерживал дыхание, и это продолжалось до тех пор, пока нехватка воздуха не заставляла сделать глубокий вдох. Последнюю передышку Клаус сделал, не доходя полсотни ярдов, до обитаемых пещер.

– Спасибо за всё, Берко, – сказал он, укладывая мне под голову свой мешок. – Даже не представляю, чем ты приложил Стража... Спрашивать не стану, чувствую, что лучше мне этого не знать. Спасибо, друг.

Я попытался устроиться поудобнее, но содержимое мешка было твёрдым, словно камень.

– Что ты туда запихал, Клаус? Тебе здешних камней мало?

Мой приятель ухмыльнулся и, распустив горловину мешка, достал оттуда странной формы камень размером с большую сырную голову.

– Узнайшь?

– Что-то напоминает, но точно не сердце.

– Какое там сердце! Хорошо, хоть сами ноги унесли. Когда ты кинул в Стража ту иштуковину, он почти поймал её у самого пола. Потом загрохотало так, что провалился пол, а у Стража отвалилась кисть руки. Она ему уже ни к чему, а мне не хотелось возвращаться домой без добычи.

– Не очень это похоже на руку. – Засомневался я.

– Скорее, на латную рукавицу, – уточнил Клаус, – у голема нет таких пальцев, как у человека.

– И что ты собрался с ней делать?

– Покажу нашим парням, пока она не рассыпалась. А то кое-кто не верил, что я отважусь выйти против Стража. Ну и про тебя, Берко, тоже расскажу. Это будет честно.

Мне и так нужно было как-то объяснять родителям, откуда взялись многочисленные травмы. Я представил, как ужаснётся мама, когда до неё дойдут слухи о моих приключениях и произнёс:

– Будет лучше, если ты скажешь, что был один, а меня вытащил из глубокой расщелины, когда возвращался домой. Не хочу волновать родителей.

– Как знаешь, Берко. – Клаус подумал немного и спросил: – А если спросят, как я справился с големом?

– Скажешь... Скажешь, что на Стража рухнул потолок, а ты потом врезал кувалдой ему по руке и отломил её.

– Годится.

Увидев, в каком состоянии находится сын, мама без лишних вопросов принялась оказывать медицинскую помощь, и мне не пришлось врать про разработку нового способа скалолазания. Отец тщательно осмотрел все повреждения, потом нахмурился, стал принимать и внимательно разглядывать мою одежду. Он тоже ничего не спросил, но в тот день перетряхнул все свои запасы и устроил полную опись имущества Хранителей. Я понял, что он уловил слабый запах едкого дыма, впитавшийся в одежду после того, как произошёл взрыв. Отец ничего не знал о моих личных запасах, поэтому отбросил свои подозрения, решив, что ему просто показалось.

Подлечившись, я, первым делом достал из тайника браслет, который нашёл возле скелета. Браслет, вне всякого сомнения, был предметом, созданным Древними. На это указывало наличие плоского прямоугольного экрана, подобные которому мне приходилось видеть на других приборах. Панели управления под экраном не оказалось, возможно, он был сенсорным. Оставалось только пожалеть, что его поверхность была в очень плохом состоянии, с обилием царапин и трещинами. На внутренней стороне браслета виднелась типичная крышка аккумуляторного отсека. Застёжка браслета оказалась расплюсчена, и открыть её не получилось.

У моего отца не было ничего подобного, а это означало, что в мои руки попала очень редкая вещь. Помню, что я очень разочаровался, когда выяснилось, что аккумуляторов нужного размера у Хранителей нет. Строго говоря, у нас осталось ни более десятка источников питания, и почти все они очень экономно использовались в медицинских диагностических приборах. Нечего было и думать, чтобы стащить хотя бы один аккумулятор, и с его помощью запитать таинственный браслет. Мне ничего не оставалось, как поместить находку в свою сокровищницу до лучших времён.

Назначение этой вещи мне удалось узнать три года спустя. Я уже почти не вспоминал про браслет, да и про оставшийся цилиндр со взрывчаткой тоже. В то время меня занимали совсем другие мысли. Детские игры и приключения в неисследованных пещерах были заброшены, как старая рубашка, которую уже не натянуть на раздавленные вишьрь плечи. Отец подарил мне на день рождения острую бритву и научил соскабливать со щёк и подбородка редкие пока волоски. Клаус уже пару лет как брился, и его крепкая шкура легко выдерживала соприкосновение с бритвой любой степени заточки. Я же, пока осваивался с маленьким острейшим лезвием, ни дня не обходился без порезов, чем изрядно веселил своего приятеля.

– Ты, Берко, скоро будешь похож на дикаря, – засмеялся Клаус, в очередной раз, заметив кровоточащие царапины, – говорят, они специально наносят себе разнообразные порезы, да ещё втирают в них всякую дрянь, чтобы шрам потом уродливый получился.

– Зачем? – Искренне удивился я.

– Дикари, – пожал плечами Клаус. – Думают, что становятся от этого красивее.

– А ты сам, хоть одного видел?

Мой приятель воровато огляделся по сторонам и произнёс, понизив голос: – Одного видел. Издалека, правда. Да и темно было. Короче, говоря, не разглядел ничего.

У Клауса была тайна, посвящены в которую были очень немногие, и в том числе я. Он и ещё двое парней совершенно случайно узнали про не учтённый разведчиками выход из пещер на равнину. Одна из стекавших с гор речек имела подземное русло, проходившее через толщу горы. Благодаря этой речке, питавшей небольшое озеро, наше поселение не знало недостатка в чистой воде. Никого особо не интересовало, куда впадает этот горный поток, и какой путь проходит вода, прежде чем попасть на равнину. Так бы продолжалось и дальше, если бы бедолага Вольф, перебравший хмельного напитка, не свалился бы в это озеро.

Надо сказать, что пьяницам в пещерах жилось туго. Руководившие закупками провизии Хранители избегали покупать слабоалкогольные напитки, которые, хоть и стоили дешевле, но транспортировать их в пещеры было непросто. Для медицинских нужд приобретался продукт кустарной перегонки вина, отвратительно пахнувший и содержащий невероятное количество вредных примесей. Хранители прекрасно умели очищать это жуткое пойло, получая из него чистый спирт, идущий потом на приготовление лекарственных настоек. Те же, кто не мыслил свою жизнь без алкогольного дурмана, либо добывали золото, на которое и покупали возделенную выпивку, либо готовили хмельное в домашних условиях.

Отец Вольфа прославился тем, что отказался получать за свои труды хлеб, а стал брать эквивалентное количество муки, из которой научился делать брагу. С малолетства помогавший отцу Вольф очень быстро пристрастился к выпивке, поэтому трезвым его почти не видели. В тот знаменательный день, он свалился в озеро, попал в водоворот, где чудом выжил, и проделал долгий и опасный путь до равнины по подземному водотоку. Обезумевший от ужаса парень на ночь спрятался среди высокой травы, а затем в течение всего дня метался у подножия гор, надеясь отыскать путь домой. На своё счастье, он встретил крестьян, везущих продукты для продажи жителям пещер. Крестьяне, хоть и не поняли, откуда взялся этот странный парень, взяли с собой путешественника поневоле. Клауса и нашего общего знакомого по имени Франц, в тот день отправили к подъёмнику, помогать на погрузке припасов.

Они очень удивились, когда среди свиных туш вдруг обнаружили грустного и совершенно трезвого Вольфа. Выслушав рассказ незадачливого первопроходца, парни мигом сообразили, что можно использовать этот путь для вылазки на равнину. Возвращаться было гораздо сложнее, но Франц предложил хитроумный план. За день до того, как предполагались поставки продуктов, один человек покидал пещеры через подземный водоток. На следующий день двое парней сами вызывались идти работать на подъёмник и поднимали наверх своего вернувшегося с прогулки приятеля. У меня тяги к подобным приключениям не было, а побывавшие на равнине друзья взахлёб рассказывали о том, как там всё замечательно, при этом каждый старался извлечь из похода какую-нибудь выгоду. Самый старший из нас – Франц спускался на равнину не ради новых ощущений. Он заказывал у кузнеца особые инструменты для добычи драгоценных металлов, расплачиваясь пригоршней золотых крупинок. Третьим посвящённым в тайну горного озера был Одо, которого настолько очаровало плотницкое ремесло, что он спускался в долину только ради того, чтобы поглазеть на работу мастеров по обработке дерева. Что же касается Клауса, то единственным интересовавшим его на тот момент объектом были женщины. Известный в пещерах ловелас вскружил голову нескольким девицам сразу, и они, порой, соперничали между собой за его внимание. У Клауса было большое сердце, в котором хватало места им всем, и даже тем деревенским девушкам с равнины.

– Если бы это была дикарка, то ты её и в темноте разглядел бы. – Решил подиутить я над приятелем.

– Точно! – Согласился Клаус и спросил: – Ты сегодня свободен, или папаша снова будет целый день забивать тебе голову учёными премудростями?

– Свободен.

– Отлично! Вечером у здешних девчонок намечается особенный праздник. С песнями и гаданиями. Ты со своей исцарапанной физиономией будешь главным украшением.

– Неохота быть посмешищем... – начал я, но Клаус меня прервал:

– Ладно, я пошутил. Не поверишь, Берко, но польза от этих порезов есть. Ты сам говорил, что твоя матушка мажет их каким-то пахучим лекарством, чтоб заживали быстрее. Я вчера возле тебя немного совсем постоял, так Битти вокруг меня весь вечер увивалась и спрашивала, чем это так чудесно пахнет?

– Правда? – Друзей не обманывают, Берко. Пойдём, познакомишься с хорошей девчонкой, а то, кроме учёбы ты больше ничего в жизни не видишь. Так и молодость пройдёт.

– Пойдём. – Согласился я. – А кто ещё с нами?

– Вообще-то, меня одного приглашали, – ничуть не смущаясь, произнёс Клаус, – но я сказал, что у меня есть приятель, который очень душевно поёт песни, и они сами попросили, чтобы ты пришёл.

– Песни? Ты в своём уме? Да, скорее Вольф станет трезвенником, чем я научусь пению!

– Не бойсь. Поют они, обычно сами. От тебя требуется немного – изредка добавлять мужское звучание к их нежным голосам. Только и всего.

– Вот сам бы и пел!

– Однажды попытался, но они сказали, что лебёдка на подъёмнике и то мелодичнее. А у тебя голос не в пример моему. Пойдём, неудобно заставлять хорошеньких девушек ждать.

– Ладно, но если что...

– Всё будет хорошо, не волнуйся.

Мой опыт общения с девушками ограничивался тем, что во время совместных посиделок, которые иногда устраивались только для Хранителей, меня усаживали рядом с кем-нибудь из дочерей наших знакомых. Мы весь вечер мило улыбались друг другу, несколько раз танцевали вместе, и на этом всё заканчивалось, потому что я большую часть времени проводил за изучением научных дисциплин. Чем больше отца разочаровывали инертность и безразличие к наследию Древних со стороны других Хранителей, тем интенсивнее он нагружал учёбой меня. Мои сверстники ограничились базовыми курсами в паре-тройке отраслей знания и не утруждали себя углублённым изучением наук. Мне же приходилось штудировать всё, в чём разбирался отец, а он среди Хранителей слыл главным интеллектуалом.

У тебя, мой преемник, может создаться превратное впечатление, что я жалуюсь, но это не так. Мне достался самый лучший преподаватель, из всех, которых я встречал за почти полторы сотни лет жизни. А желающих учить меня чему-либо, или просто поучать всегда было предостаточно. Всеми знаниями, которые отложились в моей голове, я целиком и полностью обязан своему отцу. Мне всегда нравилось учиться, это увлекательное занятие составляло большую часть тогдашней моей жизни, но я имел представление, что за пределами класса существовала и другая жизнь. Она вызывала у меня интерес ещё и потому, что олицетворением этой жизни был мой друг Клаус – весельчак и бабник. Его рассказы о своих приключениях были очень забавны и поначалу вызывали любопытство, сравнимое с интересом к художественной литературе, рассказывавшей о взаимоотношениях вымышленных персонажей. Потом наступил момент, когда я понял, что жизнь Клауса гораздо насыщеннее и разнообразнее моей собственной, кажущейся блёклой тенью на фоне написанной яркими красками картины.

Клаус долго вёл меня кружными путями, которыми я уже не пользовался несколько лет, и в конечном итоге мы оказались на дальней окраине жилых пещер, занимаемых семьями

беженцев. В центре обширной каверны с высоким потолком горел костёр. Должно быть, дрова были чем-то пропитаны, потому что пламя приобрело удивительный синий цвет. Поначалу мне показалось, что сидевшие вокруг огня девушки были одеты в одинаковые голубые платья простого покроя. Но, увидев, как пламя окрашивает их лица, догадался, что и сам выгляжу схожим образом.

– Смотрите, кого я вам привёл, девчонки! – Объявил мой приятель.

– Добрый вечер. – Произнёс я, смущаясь под пристальными взглядами красавиц.

Девушки, как по команде, улыбнулись, а одна из них подбежала и водрузила на мою голову большой венок, сплетённый из цветов и трав.

– Сам на равнине собирал. – Шепнул мне Клаус. – Травинка к травинке. Полночи на это потратил.

Пока я соображал, за что мне оказана такая честь, девушки затянули протяжную песню и, взявшись за руки, стали танцевать вокруг костра. Их движения были плавными и очень гармонировали с нежными голосами, наполнявшими нещеру чарующими звуками. Выросший среди детей беженцев, я свободно говорил на их языке, но слов этой песни, как ни старался, понять не смог.

– О чём они поют? – Тихо спросил я у Клауса.

– Не знаю, – беспечно ответил он. – Слова, как будто знакомые, но смысл не слишком ясен. Это очень старая песня.

– Ну, а всё-таки? – Они обращаются к этим... как сказать... духам земли... и ещё кому-то.

– Духам?

– Не смотри на меня так, Берко. Это всё девчоночьи поверья.

– Чушь какая-то.

– Согласен. Только им не говори, а то обидятся. Заканчивая песню, девушки приблизились к костру, воздели вверх руки и низко поклонились пламени. Когда они выпрямились, Клаус подтолкнул меня в спину и сказал

– Рядом с костром круг из нескольких корзин. Иди туда и встань в центр.

«Хорошо, что отец не видит, в каких глупых обрядах приходится участвовать его сыну», – подумал я, но выполнять указание пошёл.

– Дружочек! Дружочек! – Послышались вокруг меня ласковые голоса. – Мы долго ждали тебя, дружочек!

Круг из закрытых крышками корзин был диаметром около трёх ярдов. Смеющиеся девушки окружили меня со всех сторон и приветливо махали руками, словно пытались привлечь внимание. Вдруг показалось, что одна из них смотрит на меня так, что я физически чувствую этот взгляд, будто меж нами протянулась тонкая искрящаяся нить. Трудно было оторваться от созерцания прекрасных ярко-синих, как пламя костра, глаз... Наверное, я выглядел в этот момент очень глупо, потому что все девушки разом засмеялись, захлопали в ладоши и покинули круг из корзин. Рядом со мной осталась только обладательница пленительных синих глаз. Её голос оказался таким же очаровательным, а понять текст незатейливой песенки не составило труда.

Прошло столько лет, а я всё ещё помню, как она пела:

Мой милый дружочек,
Устала я ждать,
Когда ты меня позовёшь.

В погожий денёчек,
Пойти погулять

Туда, где высокая рожь.

*Нас солнце согреет,
Обнимет земля,
Колосья нам песню споют.*

*И ангелы в небе,
По каплям дождя
Хорошую весть понесут.*

*Я жду, мой любимый,
Скорей приходи,
Пусть даже дорога длинна.*

*Огонь негасимый,
Пылает в груди
Тебе одному я верна...*

Песня закончилась, а я всё стоял с открытым от восторга ртом и не знал, что делать дальше.

– Теперь, ты наш Король! – Громко сказала одна из девушек. – Нам очень нужен твой совет. Чтобы рассудить правильно, необходимо быть беспристрастным, поэтому тебе завязжут глаза.

Чьи-то нежные руки повязали вокруг головы свёрнутый в несколько раз тонкий платок. Я успел заметить ухмылку Клауса, но по выражению его лица понял, что мне ничего не угрожает.

*Несу я в корзине,
Муку и шалфей,
Горчицу, малину,
Колючий репей,
Собачью печёнку,
Скорлупки яиц,
И хвост поросёнка,
Для милых сестриц.*

Я наслаждался звучанием уже знакомого мне голоса и не особо прислушивался к словам. Судя по движению воздуха, вокруг меня что-то происходило, какое-то непонятное действо. Пение внезапно оборвалось.

– Мы просим твоего совета, Король! Что нам положить в начинку праздничного пирога?

– Протяни руку, – послышался слева чей-то шёпот, – и выбери одну из двух корзинок.

Я послушно нащупал перед собой корзины и легонько хлопнул по одной из них.

– Король выбрал! – Хором воскликнули девушки. – Благодарим тебя, Король!

Вновь зазвучала песня. Я не слишком хорошо запомнил, какие ещё продукты перечислялись, но с каждым новым куплетом ингредиенты становились всё более диковинными. Несколько раз приходилось выбирать из двух корзин, и каждый раз меня благодарили за это. После упоминания козлиной крови стало как-то не по себе. По счастью, на этом всё и закончилось, а повязка с моих глаз была снята.

Я огляделся и увидел, что неподалёку от костра девушки готовят тесто для пирога. В этом не было ничего особенного, но когда я бросил взгляд на блюдо, в котором лежала начинка, то начал беспокоиться за душевное здоровье собравшихся здесь людей. Всех, включая себя.

– Ты чего тут застыл, Берко? – Спросил подошедший Клаус. – Пойдем, присядем. Для нас припасли другое угощение.

– Ты тоже это видишь, Клаус? – Спросил я, нервно, сглотнув. – Они будут класть в пирог это?

– Конечно, будут. – На полном серьёзе ответил мой приятель. – Видел бы ты, что выбрал я два длинных сезона тому назад, когда стал королём.

– Это же невозможно употреблять в пищу!

– Посмотрим, что там. Ага. Яичная скорлупа... сажка... что там ещё... подорожник, кажется...

– Там ещё отвратительные червяки!

– Где? – Клаус вытянул шею, приглядываясь. – Нет. – Успокоил он меня. – Всего лишь кишки рыбы. Ничего особенного.

– Скажи мне честно, они здесь все сумасшедшие?

– Тише, Берко! Нет, конечно. Просто... так принято... в этот праздник.

– И как он называется? – Спросил я, подозревая какой-то подвох

– Называется он «ведьмина ночь». – Не очень охотно ответил Клаус. – Но, ты же в такую чепуху не веришь, правда?

– Не верю.

– А они верят. Вот и не портят девчонкам праздник. Пускай поиграют в ведьм. Тебя-то этот пирог никто есть не заставляет.

– Зачем им такая, – я несколько мгновений подбирал нужное слово, – вкуснятина?

– Сегодня особенная ночь, – принялся объяснять Клаус. – Если незамужняя девушка отведаст такого пирога, то ей обязательно должен присниться будущий жених.

– Что? – Давясь хохотом, спросил я. – С ума сойти! Попроще способа нет?

– Способов несколько. Этот, хорош тем, что годится для всех сразу.

– Впору записать всю эту чушь и поместить в энциклопедию людских заблуждений.

– Чего?

– Неважно. Нам что теперь делать?

– Сейчас девчонки пристроят пирог на угли, и пока он не испечётся, будем веселиться. Ты, ведь, сегодня король, а значит, все должны тебя слушаться. Советую устроить танцы.

– Кстати, а почему на роль короля пригласили меня?

– Ты с девчонками когда-нибудь целовался? Клаус и так всё обо мне знал, поэтому врать не было смысла:

– Нет.

– Вот поэтому и пригласили. Не спрашивай, зачем им это нужно.

– Скажи, Клаус, а как зовут ту девушку, которая...

Мой приятель понял всё без слов. Подмигнув, он хлопнул меня по плечу и сказал:

– Её зовут Скай.

«Nimm!³. – Мысленно перевёл я с языка беженцев. – Какое прекрасное имя. Ей очень подходит. Как раз небо эти глаза мне и напомнили».

Домой я пришёл только под утро, поэтому выспаться, просто не успел. Не знаю, приснился ли кому-нибудь из тех девушек предназначенный судьбой жених, а мне скоротечный

³ *небо (нем.)

утренний сон явил образ синеглазой Скай. Это было трудно объяснить при помощи рационального мышления, которое воспитывали во мне родители, и я счёл, что всему виной слишком яркие впечатления от «праздника ведьм». Когда Скай приснилась мне на следующую ночь, рациональное мышление отступило в сторону, а потом и вовсе сдалось. Я не понимал, что со мной происходит, потому что мыслями постоянно возвращался в ту пещеру, где горел ярко-синий костёр. Достаточно было просто подумать о Скай, чтобы вызвать у себя бурный эмоциональный всплеск, который можно охарактеризовать простым словом «радость». На этом фоне никакие другие идеи в мою голову не проникали, что сильно сказалось на усвоении учебного материала.

– Берхард! – Строгим голосом произнёс отец. – Ты меня совсем не слушаешь? Я только что сказал, что у тебя сегодня идиотская улыбка, а ты кивнул так, словно находился в тот момент на седьмом небе от счастья. Услышав знакомое слово, я сказал:

– На языке беженцев слово «небо» звучит гораздо красивее.

– Спорный вопрос, – хмыкнул отец. – Мы сегодня начинаем новую тему: «Взаимодействие с ментально-ориентированными устройствами», так что оставь филологию в покое. Изучай это в свободное от основной учёбы время. Итак. На чём мы остановились?

– Берхард, ты меня совсем не слушаешь... – вздохнув, ответил я, так как не запомнил, что было сказано до этого.

– Изумительно. – Отец всплеснул руками и уставился на меня с крайне недовольным выражением лица. – Я, конечно, могу предположить, что ты переутомился, но у тебя было два свободных дня, в течение которых я посоветовал не забивать себе голову посторонними мыслями, а готовиться к освоению сложнейшей темы. Чем ты занимался всё это время?

– Ничем, – сказал я, не особо покривив при этом душой.

Не рассказывать же отцу про то, как с моей лёгкой руки, в начинку для пирога попала сажка и рыбы внутренности. Воспоминания о той ночи вызвали в памяти ряд образов, и, сам не понимая, зачем это делаю, я вдруг спросил:

– Папа, ты веришь в ведьм?

Отец нахмурился, потом его брови поползли вверх от удивления, потом он задумался, и вопреки ожиданиям, на столь странный вопрос отреагировал не совсем обычно:

– Видимо, тебе пока сложно освоить предложенный мной урок. Пожалуй, поговорим сегодня о ведьмах. Тема интересная.

– Так ты веришь в ведьм? – удивился я.

– Не совсем корректная постановка вопроса, – поправил меня отец. – Правильно было бы спросить, верю ли я в то, что женщины, именующие себя ведьмами, владеют какими-то особыми силами и могут посредством их воздействовать на других людей и животных. Мой ответ: верю.

Это было гораздо удивительнее, чем начинка для пирога. Я и предполагать не мог, что такой рьяный материалист, как мой отец способен на такое признание. Сказать подобное, всё равно, что полностью отказаться от научного мировоззрения.

Словно прочитав мои мысли, отец произнёс:

– Может показаться, что я вступил в противоречие с собственным тезисом о необходимости строгого научного подхода к любой проблеме. Думаю, что к ведьмам никто и никогда не применял методов научного анализа, отсюда громадное количество сумбурной и откровенно нелепой информации, сопровождающей их деятельность. Все эти ритуалы, заклинания, таинственные предметы и снадобья из невообразимых компонентов убеждают легко внушаемых людей в том, что ведьма обладает некой особой силой, и с её помощью может совершать недоступные другим действия.

– Разве это не так? – Спросил я.

– Нет, – улыбнулся отец. – В любом явлении нужно уметь выделять главное. Причину. Представь ситуацию: охотник стреляет из лука в кабана и убивает его. Какова причина смерти животного? Стрела? Нет. Стрела всего лишь кусок дерева с острым наконечником. Сама по себе она не способна причинить вред. Для того чтобы стрела стала опасной, её нужно разогнать до определённой скорости. Тут необходим лук. Значит ли это, что он является причиной смерти кабана? Тоже нет. Лук – кусок дерева с тетивой и сам по себе никакой опасности не представляет. А если оба этих предмета берёт в руки охотник, то создаются необходимые условия для достижения результата. Охотник выслеживает кабана, кладёт стрелу на тетиву, натягивает лук и производит выстрел. А что явилось начальным толчком, запустившим эту цепь событий?

Я внимательно слушал отца, но не отказал себе в удовольствии и сострил:

– Наверное, охотник очень хотел кушать.

– Не исключено. Так вот, начальным толчком послужило желание добыть зверя. Мысль. Понимаешь, о чём я? Можно сказать, что кабана убила мысль охотника. А лук и стрела были всего лишь орудием. Именно они помогли мысли материализоваться. Неожиданный вывод, правда?

– Выглядит всё слишком просто. Подумал и сразу же добыл кабана.

– Не стоит утрировать. Чтобы мысль охотника могла материализоваться, он должен овладеть разными навыками, включая ориентирование в лесу, выслеживание добычи, стрельбу из лука. Только тогда ему обеспечен успех. Но мысль всегда первична.

– Согласен. А как быть с ведьмами?

– Та же схема, хотя, решающее значение имеет концентрация мысли. Любая деятельность ведьм направлена на материализацию желаний, не всегда добрых, и полезных для окружающих. Вокруг ведьмовских обрядов всегда циркулирует масса эмоционально окрашенных слухов, которые превалируют над фактами, что маскирует истинную природу ведьм. Ритуалы и снадобья действуют, как это ни парадоксально, на саму ведьму, что способствует достижению наивысшей концентрации мысли, и усиливает общий эффект. Ведьму и любой объект, на который направлена её деятельность, роднит вера. Ведьма должна верить в то, что она способна осуществить задуманное, а её жертва должна верить в то, что уязвима. При отсутствии этого ключевого условия – ничего не произойдёт.

Если отставить в сторону яд и другие вещества химического происхождения, тогда у ведьм останется только один единственный способ воздействия – подавление собственной воли объекта и навязывание ему определённой программы действий. Это может быть примитивный гипноз, или более высокоуровневое внедрение в сознание на информационном уровне. У внушаемых людей, на которых влияют их собственные страхи и предрассудки, свойственные социальной группе, к которой они принадлежат, организм способен чутко реагировать на изменения психического статуса. Лабильный психоэмоциональный фон создаёт условия для резких колебаний гормонального баланса организма, выводя его из равновесия. Отсюда недалеко до проявления симптомов скрытых заболеваний, либо заболеваний, которые человек сам себе придумал под воздействием собственных страхов. Втрое случается даже чаще первого, но и то и другое одинаково опасно для здоровья. Поэтому, когда говорят, что ведьма способна навредить одним только взглядом, доля истины в этом утверждении есть. Это работает не со всеми людьми, но в народе запоминаются наиболее успешные случаи, именно на их базе и создаются легенды.

Гораздо серьёзнее, когда ведьма способна влиять не только на психику человека, но также вносить изменения на информационном уровне. Обладающие сознанием биологические объекты связаны между собой теснее, чем это может показаться несведущему человеку. Дистанционное воздействие через изменение информационных свойств объекта – это сложно, но вполне осуществимо. Каждый мыслящий человек подобен радиостанции, излу-

чающей волны определённой частоты, но быть приёмником этих волн дано не каждому. И лишь единицам доступно декодирование мысленного сигнала другого человека. Для этого желательно обладать врождёнными способностями, хотя некоторые химические соединения, получаемые из форм жизни, которых принято называть «демонами», могут проявить скрытые таланты и значительно их усилить. Отмечено, что женщины открывают в себе новые способности гораздо чаще, чем мужчины. Подумай над тем, что я сказал, Берхард, а после небольшого перерыва продолжим.

Отец, как всегда, излагал учебный материал в доступной форме, но мне понадобилось время, чтобы осмыслить услышанное, которое я успел прозвать «теорией ведьм». Я решил применить её к Скай, а также остальным девушкам, участвовавшим в празднике. После чего пришёл к заключению, что начинка для пирога едва ли способствовала концентрации мысли. К тому же я был уверен, что подавлять мою волю, никто из них не пытался. В конечном итоге, Клаус, оказался прав: девушки, всего лишь играли в ведьм.

После перерыва отец сказал:

– В любом случае, каждая ведьма, если конечно она достойна этого звания, представляет собой мощного ментального оператора, потенциально способного взаимодействовать с ментально-ориентированными устройствами Древних.

– То есть, бывают сильные и слабые операторы?

– Точнее будет сказать, бывают ментальные операторы и сильные ментальные операторы. Чисто теоретически, не существует предела для концентрации мысленной энергии. Математические уравнения это подтверждают. Достигший наивысшей точки сосредоточения человек способен локально изменять фундаментальные законы физики. Возможно даже телепатическое общение между людьми наподобие радиосвязи. Но это в теории. На практике подобное осуществить нереально.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что концентрация мысленной энергии свыше определённого уровня начинает отрицательно сказываться на физическом здоровье оператора. Пока оператор задействует только кору головного мозга, ему почти ничего не угрожает. Если человек сумел использовать более шестидесяти процентов нейронов коры головного мозга, его можно считать сильным ментальным оператором. Предвидя твой вопрос, добавлю, что более восьмидесяти процентов нейронов использовать не получится – наступит неизбежная потеря сознания. Существует способ улучшить способности оператора. Способ опасный, доступный совсем немногим, и поэтому Древние запретили его массовое использование. Если энергию, накопленную в коре головного мозга сфокусировать через подкорковые центры, то можно получить многократное усиление. Проблема в том, что подкорковые скопления серого вещества управляют физиологическими процессами в организме. Если заставить их работать не по назначению, человек просто не сможет существовать дольше нескольких минут. Потом неизбежно наступит смерть.

– Получается, что в эти несколько минут человек становится по-настоящему всесильным?

– Может быть. Я знаю, что Древними проводились исследования с участием добровольцев. Результаты этих экспериментов до нас не дошли. Твоё любопытство удовлетворено?

– Да.

– Тогда продолжим по теме занятия. Для взаимодействия с простейшими ментально-ориентированными устройствами достаточно упорядочить работу десяти-пятнадцати процентов нейронов серого вещества коры головного мозга. Это очень просто. Нужно, всего лишь подавить спонтанное хаотическое мышление, неизбежно присутствующее в сознании у каждого. После этого мозг способен осуществлять приём и распознавание сигнала от устройства. Чтобы сгенерировать сигнал нужной силы, необходимо задействовать

порядка сорока процентов нейронов. Среднестатистический человек вполне может этому научиться, для чего существует ряд развивающих упражнений. Чем мы сейчас и будем заниматься.

Отец очень ловко перекинул мостик между моими интересами и наукой, заставив на время позабыть о том, что происходит за пределами учебного помещения. Несколько дней я изучал технику мысленной фокусировки, а также методику защиты от обнаружения ментальными сканерами под названием «пустая голова». По словам отца, я делал успехи, хотя он сокрушался, что у Хранителей не осталось ни одного устройства, на котором можно было бы проверить мои способности. Плотный график занятий способствовал тому, что образ Скай отодвинулся куда-то на периферию сознания, но совсем не исчез. Видимо поэтому в день, когда отец позволил отдохнуть от учёбы, появилось острое желание снова увидеть девушку.

Оказавшийся на задворках памяти образ Скай постепенно терял яркость и детализацию, перестав подпитывать тлеющий в душе огонёк радости, отчего стало совсем тоскливо. Помочь мне увидеться с ней мог только Клаус, который, как выяснилось, в тот день крутил тяжёлое колесо подъёмника. Увидев меня, он присвистнул и сказал:

– Привет, Берко! Ты выглядишь так, будто с той самой ночи ни разу не сомкнул глаз.

– Привет. Занятия были очень напряжёнными... – начал я, потом махнул рукой и сознался. – В целом, ты прав. Спал действительно плохо. – Я уж подумал, что ты по Скай так сохнешь, извёлся весь

Меня частенько удивляла пронизательность Клауса, которую сам он так и не мог ничем объяснить. Тем не менее, в вопросах человеческих отношений мой приятель редко когда ошибался. Пришлось признать его правоту и на этот раз.

– Я же видел, как ты на неё смотрел. – Клаус расплылся в довольной улыбке. Такие взгляды говорят о многом. Подожди, я скоро сменюсь, и тогда пойдём навестить твою подружку.

– Не смейся, Клаус! Когда она успела стать моей подружкой?

– Может стать, если ты приложишь для этого хоть какие-нибудь усилия. Кот в перчатках не поймает ни одной мышки. Соображаешь?

– Да.

– Молодец. Не вздыхай так тяжело. Сейчас последний поддон с зерном поднимем, я переоденусь, и двинем в пекарню.

– Зачем? – Затем, что Скай трудится там. Это же ты у нас умник, которому положено учиться. А остальные своими руками добывают себе пропитание.

– Клаус! Ты же знаешь, что отец готов обучать всех желающих!

– Не злись. – Мой приятель вытер пот со лба и застопорил лебёдку. – Подначивать тебя я не собирался. У меня мозгов не хватит, чтобы понять и десятую часть того что известно тебе. Каждый должен заниматься своим делом. Кому – на подъёмнике стоять, а кому-то – думать головой. Пойдём, я ненадолго заскочу домой, чтобы переодеться.

По пути в пекарню я пытался моделировать будущий разговор со Скай, но из этого ничего не вышло, потому что мне так и не удалось представить, что она скажет в ответ. Я хотел рассказать ей о многом, но облечь все свои переживания в словесную форму не получалось. В жизни не считал себя косноязычным, но дальше банального «привет» продвинуться не смог, как ни старался.

Шедший рядом Клаус всю дорогу что-то говорил вполголоса и ободряюще похлопывал меня по плечу. Я был благодарен ему за поддержку, но внутренний диалог с самим собой занимал все мои мысли. Это была развёрнутая полемика, посвящённая моему нелепому поведению, и я постепенно убедил себя, что глупо так переживать, всё образуетса само собой, как только

увиджу Скай. Создав, таким образом, в своём сознании точку опоры, я закрепился на ней и стал ждать дальнейшего развития событий.

В пещерном поселении, постоянно ощущался недостаток топлива для обогрева жилых помещений. Все к этому давно привыкли и не обращали особого внимания на холод и сквозняки. Всегда жарко было только в одном месте – в круглосуточно работавшей пекарне.

Я заглянул в приоткрытую дверь... вернее, это Клаус ткнул кулаком мне в бок и одним движением плеча пододвинул к двери. В озаренной красноватым светом из печей пекарне суе- тилось несколько женщин, одетых в простые балахоны из неплотной грубой ткани, большие напоминавшей мешковину. Видимо, только в такой одежде и можно было находиться возле пышущих жаром печей. Ткань просвечивала, нисколько не скрывая особенностей фигур рабо- тающих в пекарне женщин. Ближайшая из них стояла ко мне спиной в нескольких футах от двери и складывала в корзину свежесвыпеченный хлеб.

– Эй, – несмело позвал я, – послушайте...

Голова женщины была повязана платком, и мне стало ясно, что нужно говорить громче. Пару раз кашлянув, я открыл рот, чтобы позвать работницу пекарни, но стоявший позади Клаус шлёпнул ладонью по двери. Женщина обернулась, а моя точка опоры покачну- лась и медленно растворилась в её синих глазах.

– Привет...

– Привет, Король! – Скай засмеялась и поправила выбившуюся из-под платка чёлку. – До сих пор вспоминаю выбранную тобой начинку для пирога

После этих слов я совершенно растерялся и ждал, что стоявший позади Клаус придёт на помощь, но мой приятель, ещё совсем недавно теснивший меня к двери, успел незаметно улизнуть.

– Поторопись, Скай! – Крикнул кто-то из работниц пекарни.

– Уже иду! – Ответила девушка и, улыбнувшись мне, сказала: – Извини, на разговоры нет времени. Придешь сегодня вечером к дальнему водопаду?

Я кивнул, и в тот же миг понял, что именно должен ей сейчас сказать. Слова сами сложились в изысканную фразу, которая уже рвалась с моих губ...

– Я поняла, – прошептала Скай. – До встречи.

Она подхватила корзину с хлебом и поспешила вглубь пекарни.

Здесь мне нужно прервать своё повествование, чтобы рассказать о том, что произошло в пещерном поселении за полгода до описываемых мною событий. Однажды в горах произо- шёл особо мощный обвал, сотрясший, казалось самое основание горного хребта. Обрушилось несколько жилых пещер, но серьёзно никто не пострадал. После этого происшествия стали пропадать люди. Это случалось и раньше, но почти никогда обитатели пещер не исчезали бесследно. Жизнь в горах нельзя было назвать лёгкой, и несчастные случаи со смертельным исходом считались вполне обычным делом. Тела невнимательных и не слишком ловких посе- ленцев нередко доставали из глубоких трещин в скальной породе.

Внезапно исчезновения участились, и никто не мог отыскать ни самих людей, ни их тел. Среди жителей пещер поползли слухи – один нелепее другого, как обычно происходит при столкновении с необъяснимым явлением. Одни говорили о массовом самоубийстве людей, уставших жить в горах, другие заявляли о том, что люди просто сбегают на равнину в поис- ках лучшей доли. Кое-кто утверждал, что видел в пещерах странных незнакомцев, и после раз- говора с ними кто-нибудь обязательно пропадал. Никого из распространителей слухов не сму- щало, что большинство исчезнувших были молодыми девушками и женщинами, с хорошим здоровьем и крепкими нервами. Они не выделялись среди прочих обитателей пещер и никогда ни о чём подобном не помышляли.

Поиски в смежных пещерных лабиринтах ни к чему не привели – никто из разведчиков не смог обнаружить никаких следов пропавших людей. Встревоженные Хранители собрались на совет. Рассматривались различные варианты дальнейших действий, в том числе связанные с исходом из пещер. Но голоса разделились, и такое решение принято не было. Чтобы хоть как-то обезопасить людей, на окраинах жилых пещер постоянно дежурили патрули, в составе которых успело побывать почти всё взрослое мужское население. Эта простая мера помогла, и таинственные исчезновения прекратились, что вызвало всеобщее ликование. Родовались мы недолго. Прошло всего два месяца, и люди снова стали пропадать. Первой исчезла женщина по имени Дебра. На следующий день пропала Скай.

Я долго ждал её на условленном месте, слушал шум падавшей с потолка пещеры воды и повторял про себя слова, которые так и не успел сказать при встрече в пекарне. Ожидание не казалось слишком долгим, ведь, мне вновь предстояло увидеть девушку, у которой небесными были имя и глаза.

– О! Да это сам Берко. Привет, венценосной особе!

Пока я предавался мечтаниям, к водопаду, в сопровождении Франца пришла одна из участниц «праздника ведьм». Её кавалер протянул мне руку для рукопожатия, но моя неподвижно застыла на полпути после того, как девушка произнесла:

– Ты так быстро отпустил от себя Скай? Что-то не заладилось?

– Она ещё не приходила, – забеспокоился я. – Ты давно её видела?

– Да. Мы перекинулись всего несколькими словами. Она торопилась на свидание, и даже не остановилась со мной поболтать.

– Как бы чего не случилось, – озабоченно произнёс Франц. – Побудь здесь немного, Мелани, а мы с Берхардом пробежимся по окрестностям. Может, помощь какая-нибудь понадобится.

– Я одна не останусь. – Мелани зябло повела плечами, потом вдруг охнула и прикрыла рот ладошкой. – Вчера же Дебра пропала! Вы слышали об этом?

– Нет. – Ответил я, и Франц со мной согласился.

– Это опять началось! – Испуганно закричала Мелани. – Скай тоже исчезла!

Безысходность, звучавшая в её голосе, была просто невыносима. Я старался гнать от себя дурные мысли, предпочитая думать о том, что Скай где-то случайно задержалась по пути.

– Не кричи, – Франц обнял дрожавшую от страха девушку и, повернувшись ко мне, сказал: – первым делом найди Клауса. Пусть соберёт парней, и сразу же начинайте прочесывать соседние пещеры. Я провожу Мелани до дома и вернусь потолковать с патрульными. Может, они видели чего.

Клаусу не понадобилось долго объяснять ситуацию. Он покачал головой, витиевато выругался и отправился собирать людей. На призыв о помощи сразу же откликнулись пять человек из числа давних друзей Клауса. Добровольцев могло быть гораздо больше, но чтобы собрать их, требовалось время. К дальнему водопаду я возвратился даже быстрее, чем ожидал. Нас встретил Франц и сразу же предложил пройти к ближайшему патрулю.

– Что-то странное творится с ребятами, – сказал он. – Язык у всех троих заплетается. Думают долго, прежде чем на вопрос ответить. Вроде бы не пьяные, а ведут себя так, словно в подпитии.

– Они сказали, кто проходил мимо них в ближайшее время? – Спросил Клаус.

– Если бы... – с горечью ответил Франц. – Никто из них не помнит, когда они на пост заступили.

– Скай должна была мимо них пройти, если направлялась сюда. Пойдём, спросим.

– Бесплезная затея, Клаус. Они свои имена с трудом вспомнили.

– Хватит терять время! – Сказал я. – Всё это пустые разговоры. Нас здесь восемь человек. Разделимся на четыре группы и обследуем все окрестные каверны.

Возражений не последовало. Кто-то догадался захватить с собой факелы, и это сослужило нам хорошую службу. Пещерная сеть в районе дальнего водопада не отличалась большой разветвлённостью. Узкие, в основном закольцованные каверны были не намного шире обычных скальных проходов. Обыскать их особого труда не составило, что мы и сделали за рекордно короткое время. Ничего не нашли. С одной стороны, это было плохо, а с другой, ещё сохранялась надежда, что Скай по каким-то причинам задержалась в тех местах, где её встретила Мелани.

Позже всех к месту общего сбора подошёл Клаус. Дождавшись, когда высказутся остальные, он отозвал меня в сторону и негромко произнёс:

– Есть там одно странное место, Берко. Будет лучше, если ты взглянешь сам.

– Где именно?

– Развилка неподалёку от патрульных.

– И что там необычного? – Я уже был готов перенести поиски ближе к жилым пещерам и не совсем понимал, что же хочет показать мой приятель. – Какие-нибудь следы?

– Нет. – Клаус нервно дёрнул плечом и сплюнул себе под ноги. – Я пока не ходил в тот коридор. Лучше, сам посмотри

Честно говоря, меня это здорово разозлило. Захотелось сказать Клаусу что-нибудь резкое, напомнить о том, что мы здесь все с ног сбились, ищем Скай, а он не может осмотреть один единственный проход. Ещё мгновение и я произнёс бы всё это, но вовремя остановился, сообразив, что мой приятель ведёт себя очень подозрительно и чего-то не договаривает.

– Что случилось, Клаус?

– Я думал, ты сейчас наорёшь на меня, Берко. Не сдерживайся. Я этого заслуживаю.

К нам подошёл Франц.

– Пора расширить зону поисков. – Сказал он. – Здесь больше делать нечего.

– Погоди немного. – Ответил я. – Мы с Клаусом кое-что проверим и вернёмся.

– Только недолго, – предупредил Франц. Я кивнул в ответ и двинулся в указанном Клаусом направлении. Мой приятель шёл следом, но по мере приближения к развилке, стал отставать. На первый взгляд, ничего особенного в этом проходе не было. В дрожащем свете факела стены и пол стали казаться ещё более неровными. Потолок выглядел совершенно ненадёжным, и при одном взгляде на него, стало понятно, что он готов рухнуть от малейшего толчка. Заставив себя сделать пару шагов вперёд, я убедился, что проход настолько узкий, что в нём не хватает воздуха для дыхания, стены стискивают со всех сторон, наваливаются каменными глыбами...

Я немедленно выскочил оттуда и облегчённо вздохнул, оказавшись рядом с Клаусом. Он сочувственно на меня посмотрел и спросил:

– Ты тоже их видел? Мерзкие, правда?

– Душно там, воздуха не хватает.

– И они ещё ползают.

– Кто ползает? – Не понял я.

– А то ты не видел? – Скривился Клаус. – Там их несколько десятков, не меньше. Я снова заглянул в проход, но заходить туда не стал

– Там, конечно, отвратительно. С этим не поспоришь. Но я никого не вижу.

Глава 3

– Да ты ослеп что ли, Берко? – Вскричал Клаус. – Там полный коридор крыс! Я с детства этих тварей терпеть не могу. Я не трус, ты же знаешь. Мы вдвоём выходили против Стража, помнишь? Но эти мелкозубые хвостатые...

– Так вот почему ты хотел, чтобы я сам обследовал проход?

– Конечно! А теперь ты надо мной издеваешься, заявляя, что там никого нет!

– Кроме тебя кто-нибудь крыс видел?

– Нет. Со мной был Герд, но он обыскивал другой коридор. Не буду же я говорить ему, что... что меня мутит, как только я их вижу. Ты – другое дело. Тебе я признаться могу.

Кажется, я начал понимать. Клаус боится крыс, а я боюсь тесных помещений и ненадёжных потолков, и мы оба не можем зайти в этот заурядный с виду проход. У меня возникли серьёзные подозрения, что всё это неспроста. Требовалось, как минимум ещё одно подтверждение.

– Нужно позвать кого-нибудь из наших. – Сказал я Клаусу.

– Если он будет более зорким, чем ты, то я согласен, – съязвил мой приятель.

Идти никуда не пришлось. Нас отыскал Франц. Он был очень недоволен и сразу же стал возмущаться по поводу того, что мы всех задерживаем.

– Здесь остался необследованный проход, – сказал я ему и предложил свой факел. – Можешь сам посмотреть.

– А сами-то вы, что здесь столько времени делали? – Проворчал Франц. – Сплетничали, что ли, как бабы?

– Вроде того. – Мрачно подтвердил Клаус.

Франц зашёл в проход и сразу же остановился. Некоторое время он стоял неподвижно, потом сделал шаг вперёд, громко выругался и бросился наутёк.

– Бегите! – Крикнул он нам. – Бегите, пока ещё можно спастись!

Я нагнал его почти у самого водопада.

– Стой! Что случилось, Франц?

Он обернулся и, увидев позади себя только нас с Клаусом, шумно выдохнул:

– Повезло, что он за нами не погнался. Надо уходить отсюда.

– Что ты видел? – Поинтересовался Клаус.

– Не видел. – Сознался Франц. – Но слышал, как из стены вылезает Страж. Вы разве не чувствовали, как дрожало всё вокруг?

– Там никого нет. – Сказал я.

– Не шути так, Берхард. Мне приходилось видеть Стража. Хорошо, хоть издали. Жуткое создание

– Там никого нет. – Твёрдо повторил я. – Подходя к тому месту, каждый из нас испытывал только ему одному свойственный страх. Если мы сейчас позвоём ещё кого-нибудь, то он увидит или услышит в проходе нечто, чего боится больше всего в жизни. Нас намеренно не пускают в этот проход. Совсем недавно отец рассказывал мне про устройства, способные влиять на сознание людей. Скорее всего, в проходе установлен широкополосный ментальный излучатель.

Я не учёл, что к восприятию таких терминов мои друзья подготовлены не были. По их враз погрузневшим лицам стало ясно, что даже долгие и пространные объяснения вряд ли помогут. Вместо этого я сказал:

– Отец научил меня обманывать такие устройства. Идёмте назад.

– Это поможет найти Скай? – Осторожно спросил Франц.

– Наверняка.

С факелом в руке я остановился перед проходом и закрыл глаза. Отец говорил, что ментальные излучатели наиболее эффективно воздействуют на вербальную составляющую мыслительного процесса. То есть в том случае, когда мысль оформлена в виде фразы, состоящей из слов. Если человек не прошёл специальную подготовку, помогающую защищаться от излучателя, то ему можно внушить совершенно постороннюю мысль. В основном, так действует узконаправленный излучатель, требующий настройки на конкретного человека или ограниченную группу людей. Широкополосный излучатель усиливает эффект при помощи воздействия на эмоциональном уровне. Здесь избирательность отсутствует, и такое устройство обмануть гораздо проще. Достаточно избегать вербального мышления и одновременно сосредоточиться на каком-либо простом предмете или явлении, полностью переключившись на мышление образное. Эмоциональное воздействие никуда не денется, но контролировать себя станет легче.

Я представил перед мысленным взором первое, что взбрело на ум – картофелину и сосредоточился на выбранном образе. Образ должен быть чисто зрительным, ярким, самодостаточным, чтобы сознание не пыталось дополнить его словесными эпитетами. На тренировках мне удавалось подобное, хотя, проверить это можно только в реальной ситуации. Шаг вперёд. Ещё один. И ещё... В какой-то момент картофелина показалась мне совершенно отвратительным объектом, страшным, представляющим смертельную угрозу. «Какая гадость», – подумал я, пытаясь отогнать от себя видение нависшего над головой гигантского грязного клубня. В тот же миг понял, что заживо погребён в скале и воздуха осталось всего на пару вздохов.

Инстинкт самосохранения заставил меня потянуться вперёд, чтобы вырваться из сходящихся над головой стен. Энергичные движения локтями привели к тому, что факел угодил мне прямо в лицо, начисто спалив брови и часть волос на голове. Видимо, сознание не выдержало несоответствия страхов и болевых ощущений. Я вспомнил, где я, в чём причина парализующего волю страха и побежал вперёд. Хватило нескольких шагов, чтобы вырваться из зоны действия излучателя. Мысли вдруг стали ясными и простыми, как та картофелина, а на смену смертельному страху пришло полное безразличие к происходящему.

– Вы меня видите? – Крикнул я в ту сторону, откуда пришёл

– Конечно. – Ответил Франц. – До тебя не более двенадцати ярдов.

– Ясно. Сейчас попробую вернуться.

Обратный путь вышел гораздо проще. Я не стал напрягать мозги и сосредоточился на факеле в своих руках. Реальный зрительный образ не требовал такой концентрации и самоконтроля. Удивительно, но боль от настоящего ожога помогла легче перенести наведённый излучателем страх, связанный с огнём.

– Пройти можно. – Сказал я, дойдя до начала развилки. – Франц, зови остальных. Не знаю, что нас ждёт дальше, но будет лучше, если со мной пойдут ещё несколько человек.

– Я тоже пойду, – мрачным тоном сообщил Клаус, – ты, главное, научи меня.

Идти вызвались все. Когда я рассказал, что и как нужно сделать, один из парней отказался. Выяснилось, что он когда-то пострадал на пожаре и едва ли теперь сможет нейтрально реагировать на пламя факела. Его отправили в поселение сообщить о случившемся. Ещё одного парня Франц сам попросил остаться возле прохода, чтобы не оставлять это место без присмотра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.